

Дмитрий Тренин

**Интеграция
и идентичность**
Россия как «Новый Запад»

 европа

Дмитрий Витальевич Тренин

Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006125
Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад» / Дмитрий Тренин ;: Моск. Центр
Карнеги. Изд-во «Европа»; Москва; 2006
ISBN 5-9739-0056-8*

Аннотация

Книга посвящена оценке возможностей, существующих у России для того, чтобы интегрироваться в группу конкурентоспособных стран, называемых для краткости Западом, выяснению, каковы в этой связи уроки двух десятилетий, прошедших с начала Перестройки, и на каких принципах и в каких формах оптимально развивать отношения России с Западом в течение следующих двадцати лет, к исходу которых она сама имеет шанс приблизиться к тому, чтобы стать «новым Западом».

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией – Московским Центром Карнеги при поддержке Carnegie Corporation of New York, а также посольства Швеции в России.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Содержание

Предисловие	4
Благодарность автора	6
Введение	7
Глава первая	10
Интеграция – от имперской модели к демократической	13
Феномен политического Запада	19
Запад после «холодной войны»	25
Что делает Запад Западом?	27
Запад и вызов XXI века	31
Российская идентичность и Запад	33
Заключение	42
Примечания	43
Глава вторая	48
Демократизация политической системы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Тренин

Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад»

Предисловие

НАДЕЖДЫ НА ВОЗМОЖНОСТЬ быстрой интеграции России в международное сообщество, существовавшие после крушения коммунизма, быстро исчезли. Уже в более недавнее время, после террористических актов 11 сентября 2001 г., снова возникли ожидания, что стратегическое решение Путина поддержать Соединенные Штаты в их борьбе с терроризмом приведет российское руководство к стратегии интеграции с Западом.

Прошло пять лет, и эти надежды тоже пришлось отбросить. Российские политики и общество в целом весьма далеки от принятия либерально-демократических правил игры, а без этого ни конструктивное стратегическое партнерство, ни полноценная интеграция России в западное сообщество невозможны. Сегодня в общественном мнении Запада гораздо меньше неопределенности в отношении России и гораздо больше пессимизма по поводу ее внутривнутриполитического развития и его влияния на внешнюю политику и политику в области безопасности. Теперь Россию обычно относят не к таким странам, как Польша или даже Украина, а скорее к таким, как Китай.

И хотя интеграция России пока окончательно не вычеркнута из западной повестки дня, она, безусловно, не является приоритетом.

Российское руководство, в свою очередь, вновь обрело уверенность и демонстрирует напор. Оно завершило формирование политического режима по типу царского, обеспечило тем, кто управляет государством, также и контроль над национальной экономикой и ввело ограничения на деятельность только нарождающихся институтов гражданского общества. Оно не преминуло заявить своей целью восстановление России как современной великой державы, используя энергетические ресурсы в качестве символа мирового престижа и политического инструмента. В понимании Кремля Россия должна быть полностью независимой от Америки и Европы в зоне ее влияния на постсоветском пространстве. Внешняя политика Москвы, официально будучи многовекторной, в действительности в возрастающей степени ориентируется на набирающие силу азиатские державы, особенно на Китай. Таким образом, в поиске своей новой идентичности Россия все больше удаляется от Запада.

Казалось бы, таким образом, интеграция (с Западом) и идентичность (России) – слова, вынесенные в название книги Дмитрия Тренина, – это движение по двум дорогам, ведущим в разные стороны. Россия стремится к самоидентификации, связанной именно с тем, что отличает ее от Запада. В мировых СМИ нет недостатка в комментариях и аналитических публикациях, предсказывающих новую «холодную войну» между Россией и Западом, возрастающую изоляцию России или даже возможное согласие Москвы на «руководящую роль» Пекина в новом противостоянии между Востоком и Западом. Дмитрий Тренин, выдающийся специалист в области безопасности, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир и директор по исследовательским программам Московского Центра Карнеги, представляет нам другую перспективу.

В то время как почти все сторонники интеграции России с Западом и большинство тех, кто критикует ее поведение, концентрируются на политике Кремля, он обращает внимание на другое. По существу он объясняет свою позицию двумя факторами: открытостью России для внешнего мира и развитием российского капитализма. Тренин особо подчеркивает,

что Россия, по размерам равная целому континенту, отказывается от самоизоляции и что капитализм по мере своего развития коренным образом, хотя и медленно, преобразует российское общество. Он полагает, что со временем развитие капитализма обусловит потребность в соблюдении законов, а порожденный им средний класс создаст основы демократического государственного устройства. Вместо просвещенного либерального руководства Тренин возлагает надежды на внеличностные экономические факторы (прежде всего – на права собственности) как движущую силу истории.

Время покажет, действительно ли такой взгляд позволяет лучше понять, в каком положении Россия находится сегодня и куда она движется. Подход Тренина во многом опирается на историю. Он приводит многочисленные примеры из прошлого и проводит параллели между разными эпохами, чтобы определить возможные варианты развития событий в будущем. Тренин делает парадоксальный вывод о том, что в результате развития капитализма, следствием которого должен стать либерально-демократический прорыв, Россия имеет реальные шансы стать страной западной (в смысле создания соответствующих институтов), но не европейской (в смысле членства в ЕС). Возможно, этот вывод спорен, но он обеспечивает разрешение дилеммы «интеграция или самоидентификация». То есть Россия формально не интегрируется в западное сообщество, но российские привычки и предпочтения, а также внутриполитические институты постепенно – благодаря экономическому развитию и интересам вовлеченных в него слоев – станут схожими с западными.

Дмитрий Тренин является в первую очередь специалистом по российской внешней и оборонной политике. Его книга «Конец Евразии: Россия между геополитикой и глобализацией», изданная несколько лет назад Фондом Карнеги, признана во всем мире в качестве основополагающего труда, в котором обосновывается необходимость коренной модернизации внешней политики России. Новая книга в известной мере продолжает эту тему, но замыслы автора заметно расширились. В своем стремлении найти убедительные ответы на критически важные вопросы он приглашает читателя в увлекательное путешествие через различные пространства и исторические эпохи. Независимо от того, согласится читатель с Дмитрием Трениным или нет, эта книга безусловно интересна, познавательна и обеспечивает богатую пищу для размышлений.

Мы благодарим за поддержку, которую Корпорация Карнеги в Нью-Йорке, Фонд Старра и Фонд Чарльза Стюарта Мотта предоставили российско-евразийской программе Фонда Карнеги за Международный Мир.

*Джессика Т. Мэтьюз,
президент Фонда Карнеги
за Международный Мир*

Благодарность автора

Моим родителям Валентине Ефремовне и Виталию Николаевичу

АВТОР, И ТОЛЬКО ОН ОДИН, несет ответственность за содержание текста, который выносит на суд читателей. Тем не менее для того, чтобы текст стал книгой, потребовались помощь, участие и дружеское содействие многих людей. Прежде всего я признателен моим коллегам по фонду Карнеги за Международный Мир, которые поддержали идею написания этой книги: Джессике Мэтьюз, президенту фонда; Полу Баларану и Джорджу Перковичу – исполнительному вице-президенту и вице-президенту по исследованиям соответственно. Эндрю Качинс, директор Московского Центра Карнеги (2003–2005 гг.), взял на себя труд прочитать рукопись и сделал ценные и тонкие замечания. Внимательнейшим читателем и дотошным критиком текста был Бобо Ло, в прошлом приглашенный исследователь Московского Центра Карнеги, а ныне руководитель программы исследования России и Евразии в Королевском институте международных отношений (Чатем-хаус) в Лондоне. Принципиальные вопросы этой работы были предметом многочасовых обсуждений с моими друзьями, руководителями программ Московского Центра Карнеги Лилией Шевцовой и Алексеем Малашенко, а также с человеком, который знает меня дольше всех, за исключением моих родителей, – Андреем Тетеревым. Я глубоко благодарен ведущему российскому ученому, заместителю директора Института мировой экономики и международных отношений, члену-корреспонденту Российской академии наук Владимиру Барановскому за его рецензию на мою рукопись, в которой строгость критики сочеталась с конструктивностью предложений и доброжелательным отношением к автору.

Наталии Бубновой, курирующей публикационную программу в Московском Центре Карнеги, выпала критически важная роль координатора процесса превращения рукописи в книгу, в то время как Наталия Кабанова обеспечивала материальную и договорно-правовую сторону этого процесса. Александр Иоффе не только привел текст в соответствие с общепринятыми нормами, но и неуклонно добивался от автора максимальной ясности изложения и документального подтверждения всех и всяческих ссылок. Наконец – по порядку, но не по важности – огромную гору важнейшей организационно-технической работы сумел сдвинуть мой помощник, координатор программы «Внешняя политика и безопасность» Сергей Псурцев.

Написание книг – занятие, требующее взаимопонимания в семье и постоянной поддержки со стороны домашних. Жена Вера, мой вдохновитель и организатор, была одновременно самым суровым и беспощадным критиком. Особое спасибо я хочу сказать моим уже взрослым сыновьям Петру и Андрею – не только за их готовность обсуждать темы и тексты, предложенные отцом, но главным образом за то, что вопрос об их будущем послужил, наверное, самым серьезным побудительным мотивом этой работы.

Январь 2006 г.

Введение

ПЕРВОНАЧАЛЬНО ЭТА КНИГА была задумана как анализ отношений Российской Федерации с союзом НАТО и его членами после окончания «холодной войны». Уже вскоре, однако, стало ясно, что ограничение исследования собственно международной проблематикой слишком узко и, главное, не способно дать ответ на вопрос о перспективах отношений России и Запада. На этом уровне внешнюю политику России невозможно рассматривать вне контекста внутривластной борьбы интересов, экономических и социальных сюжетов, ценностных ориентиров. Осмыслить этот контекст – значит сделать большой шаг в осмыслении взаимосвязи внешней политики России, ее отношений с Западом и продолжающихся поисков новой российской идентичности.

Проблема не только российско-западных отношений, но и места России в мире в XXI в. сводится к тому, сумеет ли Россия (и если да, то когда) достичь качественного тождества с Западом. При этом Запад понимается не как географическая данность, тем более раз и навсегда определенная, а как совокупность основных институтов современного общества – частной собственности, конституционного строя, гражданского общества, гарантий прав человека и основных свобод и, наконец, либеральной демократии. Без такой глубокой и всеобъемлющей модернизации Россия однозначно не будет конкурентоспособной страной в глобализирующемся мире.

Критерии сравнения государств постоянно меняются. До Второй мировой войны главным было количество и качество войск и сила флотов, во второй половине XX в. – пресловутый ядерный «мегатоннаж». И то, и другое непосредственно зависело от экономического развития, но в индустриальную эпоху системы мобилизационного типа могли добиваться впечатляющих успехов и в течение длительного времени соперничать с системами, основанными на либеральных принципах. В начавшемся столетии важнейшим качеством государств будет, вероятно, их способность к инновационному развитию. Эта способность, в свою очередь, зависит от характера политических, экономических, социальных и ценностных систем общества на постиндустриальной стадии его развития.

Лишь достижение тождества по этому критерию сделает Российскую Федерацию конкурентоспособной в мире, где соревнование приобрело всеобщий и глобальный характер. Традиционно упоминаемые преимущества России в международной конкурентной борьбе – факторы географического, ресурсного, военного и прочего характера – будут эффективно задействованы лишь при условии приобретения ею равенства в качестве основных систем общества с лидерами современного развития. Только такое равенство в качестве создает основу для равноправия. В противном случае, т. е. если Россия не сумеет стать западной страной в институциональном отношении, традиционные факторы национальной мощи могут обратиться в свою противоположность: потенциал силы обернется реальностью слабости, уязвимости, зависимости.

Итак, Запад, о котором идет речь в этой книге, – не географическое или культурно-цивилизационное понятие. Имеется в виду современное постиндустриальное общество, возникшее на основе модели, впервые появившейся в Европе в XII–XIV вв. и с тех пор постепенно распространяющейся по всему миру. В XXI столетии главным «фронтиром» процесса вестернизации стала Азия, и прежде всего Китай. Американские аналитики сделали важнейший вывод: в ближайшие 15–20 лет процесс глобализации будет все больше связываться не с США, а с такими странами, как Китай и Индия¹.

¹ Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. – Washington: Government Printing Office, Dec. 2004.

Соответственно под интеграцией в западное или, точнее, международное общество подразумевается не физическое присоединение к тем или иным международным институтам, а создание *внутри страны* современных институтов, обеспечивающих конкурентоспособность. Иными словами, проблема не в том, закрепится ли Россия «в составе Запада», а в том, закрепятся ли современные институты, технологии, практики внутри России.

С учетом данных пояснений должно быть очевидно, что превращение России в «новый Запад» не означает потерю идентичности, индивидуальности России, ее уподобление США или Европейскому союзу. Напротив, интеграция такого рода представляет собой едва ли не единственный надежный способ укрепить международный статус России. Доказывать, «почему Россия не Америка»², излишне. Хотя, как давно известно, капитализм стремится к созданию однородной среды для своего развития, не признавая при этом никаких границ³, национальная идентичность не исчезает, а сохраняется, несмотря ни на какие политико-экономические и валютные союзы, тем более – военные альянсы. «Пары» США – Канада, Великобритания – Ирландия, бельгийская Фландрия – Нидерланды (или, соответственно, бельгийская Валлония – Франция) убедительно доказывают этот тезис. Список примеров можно продолжать долго.

Проблема, следовательно, не в том, что станет с Россией, если она станет Западом, а в том, что будет, если она этим Западом *не* станет. Остановка и разворот вспять процесса трансформации вряд ли приведут к тому, что Россия возглавит всемирную альтернативу, станет лидером пяти миллиардов «жертв глобализации» в борьбе против «золотого миллиарда» и развернет ход мировой истории, взяв таким образом реванш за поражение в конце XX в. Это иллюзия. Поднимающиеся страны – Индия и Индонезия, Бразилия и ЮАР и, конечно, Китай – это новая волна вестернизации, не поднятая западным империализмом, а созревшая в местном климате и обладающая в каждом конкретном случае явной «национальной спецификой». Все эти страны – без исключений – будут успешными в той мере, в какой им удастся выстроить у себя дома собственную модель Запада.

Неспособность России реализовать аналогичный проект на своей почве станет двойным поражением – и по отношению к зрелому, и по отношению к молодому Западу. В результате произойдет окончательная маргинализация страны, превращение ее не в смешную и неуклюжую «Азиопу», а во вполне конкретный Евро-Китай.

Для того чтобы справиться со стоящим перед страной вызовом, нужно прежде всего осознать его масштабы, перспективу возможного выигрыша и цену вероятной потери. Необходимо осознать, что «старый добрый» российский традиционализм, сдобренный изоляционизмом и изо всех сил прославляющий державность – это верный путь к загниванию, поражению и катастрофе. Следует хорошо понимать, что и хваленый прагматизм при всех его несомненных, но столь же явно ограниченных достоинствах, а также очевидной беспринципности, не способен быть стратегией политики. Это тактика, в лучшем случае – оперативное искусство. Уровень стратегии требует иного качества мышления и, конечно, новых людей, которым и адресована эта книга.

В ней читатель не найдет описания сценариев распада России. Тема поражения нас не интересует. Нет здесь и академичного, политически выверенного меню возможных вариантов развития с предложением выбрать понравившийся. Задача в другом – оценить, какие возможности существуют у России для того, чтобы интегрироваться в группу конкурентоспособных стран (она называется здесь международным обществом или, для краткости, Западом), каковы в этой связи уроки двух десятилетий, прошедших с начала Перестройки,

² Паршев А. П. Почему Россия не Америка. – М.: Крым. Мост; Форум, 2003.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избр. произв. в 3 т. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1983. – С. 106–138.

и на каких принципах и в каких формах оптимально развивать отношения России с Западом в течение следующих двадцати лет, к исходу которых она сама имеет шанс приблизиться к тому, чтобы стать «новым Западом».

Книга состоит из пяти глав. В первой описывается феномен расширяющегося Запада и исследуется связь между международной интеграцией и национальной идентичностью. Во второй анализируются изменения в политической, экономической, социальной и духовной сферах российского общества, в результате которых плотно закрытое советское общество трансформировалось в гораздо более открытое российское. Эти изменения рассматриваются как база для дальнейшей модернизации. В третьей главе дается очерк меняющейся российской идентичности. Изменения конца XX столетия вполне вписываются в исторический континуум, подтверждая склонность и способность российского общества время от времени «переизобретать» свою страну. Четвертая глава, самая большая по объему, посвящена анализу отношений России с Америкой и Европой в конце XX – начале XXI в. Задача этой главы – извлечь уроки из этих отношений на будущее. Пятая, заключительная глава обращена в будущее. Ее цель – наметить пути и определить инструменты развития будущих российско-западных отношений. Наконец, в Заключении излагаются принципы российской внешнеполитической стратегии, понимаемой как максимально эффективное привлечение внешних ресурсов для решения задач внутреннего развития и для достижения страной международной конкурентоспособности.

В смысловом отношении «Интеграция и идентичность» – продолжение книги «Конец Евразии»⁴, в силу ряда причин не появившейся на русском языке. На уровне подзаголовков двух книг «Россия как новый Запад» является ответом на фактический вопрос «Россия между геополитикой и глобализацией», поставленный в моей предыдущей книге. Итак, выйдя из Евразии, Россия имеет шанс стать «новым Западом». Этот шанс нельзя упустить.

Москва, 1 декабря 2005 г.

⁴ *Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. – Moscow: Carnegie Endowment, 2001; Washington, D.C., 2002; Die gestrandete Weltmacht. – Hamburg: Murmann, 2005.*

Глава первая

ИНТЕГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Окончание «холодной войны» разрушило «второй мир», в который входили тогдашний Советский Союз и страны социалистического содружества, как они официально именовались. Социалистическая система проиграла соревнование капитализму в том числе по своим собственным меркам: она не сумела добиться *создания более высокой, чем при капитализме, производительности труда*¹, и это в конечном счете имело решающее значение для ее судьбы. Промежуточное положение между развитыми и отсталыми странами, которое последовательно занимали Российская империя, а затем СССР², оказалось уязвимым не только в экономическом, но и в политическом отношении.

За полтора десятилетия, прошедших после 1989 г. (освобождения Восточной Европы), часть социалистических стран – Восточная Германия, Чехия, Венгрия, Словения – сумели в основном завершить переход к политической демократии, рынку, гражданскому обществу. Другие – Польша, Словакия, страны Балтии – далеко продвинулись по этому пути и уже достигли таких рубежей, которые сделали их транзит необратимым. Третья группа – Румыния, Болгария, Хорватия – в принципе определилась с западным вектором своего развития. Четвертая – Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина, Македония, Албания – вошла в зону притяжения и политической ответственности Запада (первоначально НАТО, затем, с начала XXI в., – Европейского союза), что создает благоприятные внешние условия для их внутреннего развития.

Несмотря на кризис европейского процесса, наступивший после провала Европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г., Балканские страны, вероятно, будут поэтапно интегрированы в объединенную Европу. При этом ясно, что степень интеграции отдельных стран (членство в ЕС, статус кандидата или «привилегированного партнера») будет различаться, а характер будущего ЕС еще предстоит определить. Сейчас для нас важно подчеркнуть, что во всех перечисленных случаях внешний фактор – перспектива интеграции в западные институты, НАТО и ЕС – играет роль «лифта», мощного подъемника, обеспечивающего успех внутренних преобразований.

Государства пятой группы – Украина, Белоруссия, Молдавия, страны Южного Кавказа – находятся на исторической развилке. Перспектива стать частью объединенной Европы у них менее реальна, чем у Балканских стран, расположенных внутри территории ЕС³, но потенциально некоторые из этих государств все же могут быть интегрированы в систему Европейского союза и НАТО. Способность западных институтов к пространственной экспансии значительна и еще не исчерпана. Но эта способность, конечно, не беспредельна. Есть черта, за которой успех оборачивается перенапряжением, грозящим успешной структуре развалом. В прошлом это приводило к распаду имперских образований. Судьба Европейского союза во многом зависит от того, удастся ли его стратегам определиться с оптимальными границами объединенной Европы.

Еще раз подчеркнем: «лифт интеграции» в принципе способен помочь некоторым из бывших республик СССР совершить модернизационный рывок. Главной предпосылкой для такого рывка, однако, является способность самих постсоветских обществ преодолеть систему нерасчлененной власти, пораженной едва ли не тотальной коррупцией, приведшей к сращиванию крупного бизнеса и высшей бюрократии, при крайне стесненном, «полу-придушенном» положении бизнеса среднего и мелкого и т. д. Если новым элитам новых государств удастся совершить прорыв в вопросе о характере и типе власти, они смогут вывести свои страны на «дорогу в Европу». Без кардинальных внутренних перемен простая геопо-

литическая переориентация тех или иных столиц с Москвы на Брюссель не будет эффективной с точки зрения решения задач модернизации. «Революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине – это далеко не завершившиеся тесты на зрелость для нарождающихся средних классов этих стран и тест на способность мыслить категориями национальных интересов и действовать соответствующим образом – для их элит.

Особняком в ряду кандидатов в ЕС стоит Турция⁴, где не только развитие капитализма как таковое, но и давние европейские устремления элит и все более влиятельного среднего класса являются мощным внутренним фактором модернизации. Турцию невозможно «поднять на лифте», но она способна подняться сама, если будет знать, что ее ждут. Брюссель не столько выдает Анкаре авансы, сколько ставит условия, фактически оттягивая принятие Европой окончательного решения «турецкого вопроса». В сущности, выбор у Турции невелик: либо она продолжает курс на модернизацию и европеизацию и в конце концов становится полноправным членом ЕС, либо грандиозный проект, начатый Ататюрком, постепенно рушится и Турция занимает в лучшем случае промежуточное положение между Европой и Большим Ближним Востоком. Поскольку, несмотря на свои исторические традиции, «стыковое» географическое расположение и значительные людские ресурсы, Турция не является самодостаточной страной, такое промежуточное положение может оказаться для нее крайне неустойчивым и даже опасным. Выбор Европы также непросто: либо согласиться на присутствие внутри себя мощного инокультурного начала, либо получить потенциально нестабильного соседа.

Как и Турция, Россия стоит перед дилеммой. Либо ей удастся – причем, в отличие от соседей (включая Турцию), самостоятельно – осилить тяжелый, длительный, болезненный подъем в «первый мир», первоначально хотя бы на его «нижние» этажи⁵, либо она должна будет присоединиться к тому, что еще недавно называлось третьим миром, встать в ряд «обычных стран», все более безнадежно отстающих от группы мировых лидеров⁶. Ясно одно: в условиях глобализации и всеобщей конкуренции ниша «среднего мира», где традиционно – и сравнительно комфортно для ее правящих классов – пребывала Россия⁷, размывается. Есть успешный Запад (т. е. совокупность институтов, обеспечивающих прежде всего современный экономический рост) и все более отстающий от него не-Запад (зона экономической, социальной и политической отсталости). Очевидно, что на постиндустриальном этапе развития ресурсы «особого российского пути» – централизованная нерасчлененная власть, мобилизационная экономика, опирающаяся на огромные природные богатства и значительные людские ресурсы, закрытое неструктурированное общество – совершенно исчерпаны. Собственно говоря, это стало очевидно для многих еще в период Перестройки.

Естественно поэтому, что главным политическим лозунгом отечественных либералов и демократов конца 1980-х – начала 1990-х годов был лозунг интеграции: Россия должна была стать «нормальной» – или, как было принято тогда говорить, «цивилизованной» – страной, частью международного общества (иначе говоря, Запада), полноправным (т. е. одним из ведущих) участником его важнейших институтов и т. д. Трудности посткоммунистической трансформации, сложный опыт взаимоотношений с Западом как геополитической реальностью уже вскоре, однако, качнули маятник элитных и общественных настроений в другую сторону. Главным лозунгом начала 2000-х годов стал лозунг *идентичности* – самобытности, суверенности, независимости. В сфере внешней политики ориентиром стало подтверждение роли России как великой державы, самостоятельной по отношению к США, Европейскому союзу и Китаю, и единственного, доминирующего центра силы на постсоветском пространстве. Если идеология времен Горбачева и Ельцина была по сути революционной, то идеология путинского периода официально определяла себя как консерватизм⁸.

Экономические реформы, довольно активные в период 2000–2003 гг., затухли. В политической области наметился застой – причем как сверху, так и снизу. Коррупция приобрела прежде невиданный размах. Федерализм переживает настолько серьезный кризис, что россияне перестают воспринимать свое государство в качестве федеративного. С другой стороны, возвращаются традиционные методы сверхцентрализованного управления, отношения по схеме «власть – общество», подозрительность к внешнему миру (прежде всего к Западу), якобы вечному недоброжелателю России, и т. д.⁹

Тем не менее, несмотря на очевидный ренессанс традиции, речь не может идти ни о «возвращении в СССР», ни о «реимпериализации России». Несмотря на многочисленные отступления и искажения, развитие капитализма в стране продолжается, причем быстрыми темпами. Идеологическое противостояние по линии Россия – Запад снято вместе с коммунистической идеологией и в прежнем виде невосстановимо. Существующий разрыв в ценностях имеет историческую, а не идеологическую основу. Что касается империи, то ее век для России завершился. У Москвы нет ни ресурсов, ни причин, ни желания для восстановления системы патерналистских отношений, у соседей России – готовности превращаться из субъекта политики в ее объект. Понятие «Евразия» сегодня, вероятно, употребляется чаще, чем когда бы то ни было в прошлом, но оно точно перестало быть синонимом российского государства¹⁰.

С другой стороны, период изоляции России *изнутри* закончился. Ее границы стали прозрачными и «пористыми». Десятки тысяч людей пересекают их ежедневно, путешествуя по своим делам, сотни тысяч – виртуально, благодаря Интернету. Распространение последнего является частью государственной политики, наряду с усилиями Москвы добиться облегчения странами ЕС визового режима для россиян. Возрождение традиций обособленности от внешнего мира, таким образом, наталкивается на весьма жесткие пределы, порожденные интересами как правителей, так и простых граждан.

«Эра развитого социализма» в тогда еще советской России закончилась с началом Перестройки, т. е. два десятилетия назад. Что ожидает Россию в перспективе 20–25 лет? Как процесс интеграции России в международное общество будет взаимодействовать с процессом формирования ее новой идентичности? Все, что написано ниже, представляет собой попытку дать ответ на этот вопрос.

Интеграция – от имперской модели к демократической

МИР XXI ВЕКА ЕДИН И ОТКРЫТ. Говоря об интеграции, мы будем проводить различие между вхождением в *международную систему* (понимаемую как мировая система государств) и вхождением в *международное общество* (определяемое как наиболее продвинутое в экономическом, социальном, политическом отношении группа государств). В этом смысле мы следуем за британским теоретиком международных отношений

Хедли Буллом¹¹. Международная система (у Х. Булла – *international system*) охватывает всех участников международных отношений, разделяющих общие принципы международного права. В отличие от ситуации начала XX в., когда участниками системы были в основном страны Европы и Америки, в то время как колониальные народы и «туземные» государства находились за ее пределами, в начале XXI столетия система включает членов ООН¹², т. е. практически весь мир. Есть всего несколько исключений: режимы, укрывающие международных террористов и тем самым противопоставляющие себя человечеству (как афганские талибы); тоталитарные и авторитарные государства, стремящиеся к обладанию ядерным оружием (Северная Корея); режимы, практикующие терроризм на международной арене; непризнанные государства («сепаратистские анклав»). Разумеется, полного согласия среди «системных игроков» в отношении этих международных парий быть не может. Решающая роль здесь принадлежит лидерам системы, которые составляют гораздо более компактное *международное общество* (у Булла – *international society*).

Членов общества объединяют не только долгосрочные интересы, основывающиеся в наше время на взаимозависимости их экономик и практике тесного и всестороннего общения, но и определенные ценности, соответствующие достигнутому ими уровню развития. Согласно Буллу, греческие полисы составляли общество, а вместе с Персией и Карфагеном – тогдашнюю систему. В Средние века на Западе обществом считался христианский (западнохристианский) мир, центром которого являлась Священная Римская империя, а на Дальнем Востоке – царства китайской Поднебесной. В XIX в. общество охватывало уже почти всю Европу, а также Северную Америку. В то же время ряд государств, с которыми европейцы поддерживали отношения, но «своими» не считали (Оттоманская империя, Китай, Персия, Сиам, латиноамериканские республики и др.), входил в состав системы. Версальская система включала «общество» победителей и новообразованных государств, возникших на обломках европейских империй, а также группу проигравших – Германию и Турцию, а также (после ее международного признания) советскую Россию.

Вопрос о включении в мировую систему тогда, как и сейчас, находился в руках членов «общества», точнее, его лидеров. Установление в 1924 г. дипломатических отношений между Великобританией (тогда еще номинальным лидером Запада) и Советским Союзом означало формальное включение СССР в мировую систему государств как преемника Российской империи. После этого сигнала началась так называемая полоса признаний СССР¹³. Точно так же реинтеграция Германии в систему произошла в результате достижения соглашения между Берлином, Лондоном и Парижем в Локарно в 1925 г.: в следующем году Германия была принята в Лигу Наций.

Вторая мировая война привела к расколу мировой системы на две более или менее структурированные подсистемы государств плюс неструктурированную зону так называемых неприсоединившихся стран. В период «холодной войны» Запад и Восток не только противостояли друг другу, но и – особенно начиная с 1963 г. – активно взаимодействовали. Вначале, с окончания Второй мировой войны в 1945 г. до берлинского кризиса 1961 г., – германский вопрос, затем, от карибского кризиса 1962 г. вплоть до распада СССР в 1991 г., –

контроль над ядерными вооружениями являлись организующими институтами *двуединой* мировой системы. Противостоявшие друг другу стороны оказались вынуждены сотрудничать для предотвращения новой мировой войны, угрожавшей существованию человечества.

Формально говоря, и Запад, и Восток периода «холодной войны» были *параллельными обществами*, хотя и организованными на разных принципах. Теоретически рассуждая, *мир социализма* мог бы развиваться в субъект глобальных международных отношений, способный конкурировать с коллективным Западом и, возможно, на каком-то этапе соединиться с ним, создав универсальное общество, сочетающее лучшие черты обоих «полумиров». Теория конвергенции, однако, исходила из идеального представления о социалистической модели и не учитывала экономических, социальных, политических и ценностных реалий «соцлагеря». Переход от индустриальной модели развития к постиндустриальной сделал проблему конвергенции неактуальной даже в сугубо теоретическом плане.

В мировую систему наряду со *свободным миром* и *социалистическим содружеством* входили также коммунистический Китай¹⁴ как сравнительно крупный самостоятельный игрок и большая группа неприсоединившихся государств во главе с Индией, Египтом и Югославией – так называемый третий мир. В начале 1980-х годов Движение неприсоединения включало около ста стран, на которые приходилась почти половина населения мира. В действительности «неприсоединившиеся» страны не играли самостоятельной глобальной роли, склоняясь в ту или иную сторону, а иногда переходя «из рук в руки» (Индонезия, Египет, Сомали и др.), но обычно более или менее удачно балансируя между двумя полюсами. Китай стал «системным игроком» в начале 1970-х годов в результате сближения с США и появления «геополитического треугольника» США – КНР – СССР. В отличие от неприсоединившихся государств нейтральные страны (Австрия, Финляндия, Швеция, Швейцария), являясь во всех отношениях составной частью Запада, не участвовали лишь в его военно-политических организациях.

СССР добивался признания со стороны Запада для своих союзников. В 1950-е годы Советский Союз упорно – в том числе с ущербом для себя – бойкотировал международные форумы, на которых Китай был представлен гоминьдановским правительством на Тайване. По иронии истории, международное признание КНР состоялось в период резкого обострения советско-китайских отношений. В 1960-е – начале 1970-х годов Москва вела дипломатическую борьбу за международное признание ГДР, увенчавшуюся успехом после подписания Московского договора между СССР и ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Берлину. Спустя 20 лет ГДР, однако, вошла в состав ФРГ. В 1970-е годы усилия советской дипломатии были сосредоточены на получении признания политического статус-кво, сложившегося в Центральной и Восточной Европе после Второй мировой войны, что было достигнуто в ходе общеевропейского процесса. Спустя менее чем 15 лет после Хельсинкского акта этот политический статус-кво рухнул. Тем самым, несмотря на непримиримую идеологическую борьбу между двумя подсистемами государств и военно-политическое равновесие между ними, в период «холодной войны» Запад реально рассматривался советским руководством как источник международной легитимности¹⁵.

Социалистическое содружество было высокоцентрализованным образованием. Руководство Коммунистической партии Советского Союза определяло основополагающие идеологические установки, генеральную политическую линию, характер внутренних и внешних экономических связей, общую военную доктрину и т. п. Система межпартийных консультаций, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Организация Варшавского договора (ОВД) надежно обеспечивали «руководящую и направляющую роль» СССР внутри содружества. Несогласие с этой ролью вело к конфликту, заканчивавшемуся либо сменой «диссидентского» руководства в той или иной стране (как это произошло с Венгрией и Чехословакией), либо исключением этой страны из «содружества» (Югославия, Албания, Китай).

Исключение составляли случаи, когда отсутствовала угроза «утраты социалистических завоеваний» (Румыния времен Н. Чаушеску, КНДР Ким Ир Сена). Тогда Москва мирилась с фрондерством своих союзников.

Вместе с тем социалистическая система, как она возникла и функционировала внутри СССР, а затем в рамках соцсодружества, будучи жестко централизованной, не была интегрированным образованием. Эта централизация, изначально навязанная сверху и тщательно оберегаемая, даже в принципе не могла эволюционировать в систему самовоспроизводящихся горизонтальных связей. «Содружество» по существу так и осталось лагерем. Предпринятая в 1990–1991 гг. попытка преобразовать Варшавский договор в политическую организацию¹⁶ опоздала в лучшем случае на два-три десятилетия. В результате стратегически выгодной для СССР «финляндизации» Восточной Европы не произошло.

Распад возглавлявшейся Советским Союзом мировой системы, а затем и самого СССР, наряду с постепенным и добровольным открытием Китая внешнему миру привел к восстановлению формального единства мировой системы – при центральной роли США. К исходу XX в. за пределами системы оставалось всего лишь несколько сравнительно небольших государств и территорий. Одни – по причине самоизоляции (Северная Корея), другие – из-за нарушения международных правил поведения (Ирак при Саддаме Хусейне, Югославия Слободана Милошевича, Ливия до 2003 г.), третьи – как непризнанные государства (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Турецкая республика Северного Кипра). Пограничное положение в этой связи занимают страны, подозреваемые в стремлении создать собственное ядерное оружие (Иран), и некоторые (но далеко не все!) авторитарные режимы (Александра Лукашенко в Белоруссии, Роберта Мугабе в Зимбабве)¹⁷. В то же время формальное единство является «единством поля» и не означает гомогенности. В известном смысле мир стал более фрагментарным, чем был во второй половине XX в.

Внутреннее «качество» государств, т. е. характер политических режимов, экономических и социальных систем, приобретает решающее значение в определении их места в системе международных отношений. Получить признание со стороны международного общества в качестве «своего» означает приобретение некоего «сертификата соответствия» высшим стандартам и, соответственно, конкурентных преимуществ. Напротив, клеймо «чужого» может означать, что страна становится международным изгоем. Реально решает «общество», т. е. Запад. Оно доминирует в международных организациях – от Международного валютного фонда и Всемирного банка до Совета Европы и НАТО. Его члены связаны взаимными обязательствами и пользуются многочисленными привилегиями членов престижного клуба – от тесных доверительных консультаций между лидерами до безвизового режима поездок для граждан. Общество объявляет и ведет войну (как, например, в 1999 г. на Балканах), применяет санкции (в частности, против Зимбабве в 2002 г.) или бойкотировать иностранного лидера (будь то Мугабе или Лукашенко).

Это общество составляет меньшинство государств мира, но оно наиболее «продвинуто» и активно. *Внутри* общества обеспечен устойчивый мир (зрелые демократии не воюют друг с другом), господствуют нормы права, поддерживаются определенные этические стандарты. Граждане этих стран демонстрируют высокий уровень потребления и развитые потребности. Разумеется, все это не означает единства интересов различных государств – членов общества и тем более единства мнений между ними. В 2003 г. по иракской проблеме возникли острые противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и Францией и Германией – с другой, а также между «старой» и «новой» Европой внутри ЕС. Однако все подобные противоречия и разногласия остаются на уровне правительств и не ведут к полномасштабной конфронтации между странами.

Достигнутый членами общества экономический, политический, социальный прогресс является реальной основой для ощущения не только материального, но и морального пре-

восходства, а также права на лидерство. Это ощущение ведет к возникновению сознания глобальной ответственности, которое, в свою очередь, в некоторых случаях реализуется через силовое вмешательство в дела менее успешной и хуже организованной части человечества. Согласно спорной, но влиятельной на Западе точке зрения международное общество (представленное, например, НАТО) может выдавать мандат на применение силы в тех случаях, когда (как во время Косовского кризиса) мировая система (в лице Совета Безопасности ООН) не в состоянии это сделать из-за разногласий между ее ведущими членами.

Международное общество декларирует открытость к расширению путем кооптации. В 1993 г. помощник президента США по национальной безопасности Энтони Лейк предложил концепцию расширения демократии, в 2005 г. президент Джордж Буш – доктрину продвижения свободы¹⁸. 1990-е – начало 2000-х годов стали периодом практической экспансии европейских и евроатлантических структур¹⁹. В результате в общество были приняты страны Центральной и Восточной Европы, а некоторые члены Содружества Независимых Государств (СНГ) – Украина, Грузия, Молдавия – стали ориентироваться на НАТО и ЕС. Во всех этих случаях, однако, в состав Запада были приняты страны, являвшиеся частью европейской цивилизации. Их присоединение к обществу шло путем институциональной интеграции, т. е. признания правил игры, сложившейся иерархии государств и т. п.

Гораздо более сложным является вопрос о расширении общества в результате внутреннего развития неевропейских стран без их обязательного вступления в союзы и альянсы с США и ЕС, признания американского лидерства. Япония, Южная Корея и Тайвань исторически развивались в условиях военно-политического союза и гарантий со стороны США, а Гонконг – как колония британской короны. В то же время Малайзия и Сингапур достигают «западного» уровня развития экономики и социальной сферы, оставаясь «восточными» в политическом отношении. При этом Малайзия проводит откровенно антиамериканский внешнеполитический курс. Особую проблему представляют крупные державы – прежде всего демократическая Индия, демократизирующаяся Бразилия и все более капиталистический Китай. Цивилизационная основа их обществ, политическая самостоятельность и принципиальная неинтегрируемость в институты, подобные старому НАТО и Евросоюзу, являются серьезными вызовами в процессе формирования «нового Запада».

Под интеграцией обычно понимается сближение, взаимопроникновение подобных величин, формирование на этой основе общих пространств: экономических, политических, общественных, ценностных. Политическая интеграция при этом подразумевает не только тесное взаимодействие однотипных государств и обществ, находящихся на сходных стадиях экономического, социального, политического развития, как это имело место в Западной Европе после Второй мировой войны, но и притяжение более «продвинутыми» государствами тех, кто определился с вектором преодоления своего отставания. Двигателем интеграции с обеих сторон – принимающей и вступающей – являются прежде всего элиты, увидевшие необходимость выхода за пределы замкнутых локальных (региональных) пространств.

Непосредственным предшественником современной интеграции был традиционный империализм. На протяжении Нового времени европейские державы создали несколько империй, которые к моменту окончания Первой мировой войны управляли почти третью (32,3 %) населения Земли, контролировали свыше двух пятых (42,9 %) земной суши²⁰ и безусловно господствовали в Мировом океане. Неумение великих держав регулировать свои разногласия, не прибегая к военной силе, неспособность их элит увидеть уже сформировавшуюся к началу XX в. общность коренных экономических и общественных интересов привели к трагедии «двухфазного» мирового конфликта 1914–1945 гг. Империи Нового времени, однако, были политически и стратегически интегрированными «сверху», но при этом

внутренне разнородными и разноуровневыми конструкциями, основанными на силе и подчинении. Чем успешнее проходило развитие их «низших», наиболее отсталых этажей, тем ближе подходили империи в целом к точке распада²¹.

Национализм народов зависимых стран сумел победить традиционный империализм. В 1945 г. членами ООН состояли 50 государств; в 2005 г. – уже 191. Тем не менее увеличение их числа шло параллельно углублению кризиса традиционного национального государства и, соответственно, вестфальского принципа примата государственного суверенитета в международных отношениях. Среди вновь образованных государств широкое распространение получил синдром падающих (или несостоявшихся) государств (failed states). Одновременно произошел «взрыв» связей на негосударственном уровне. Интеграция, таким образом, возвращается, но не на имперском, а на транснациональном уровне. Ведущую роль в ней играют не военные флоты и отряды завоевателей, соревнующиеся, кто раньше поднимет свой национальный флаг над той или иной далекой территорией, а движение капиталов, потоки иммигрантов и распространение информации.

Вопрос о членстве Российской Федерации в мировом сообществе был решен в момент распада СССР. Вместе с ядерным оружием Советского Союза Россия при поддержке всех ведущих государств унаследовала место СССР в Совете Безопасности ООН и во всех других международных организациях. В глазах Б. Ельцина, правительства и большинства населения страны Российская Федерация являлась государством – продолжателем СССР. Фактически этот тезис был принят всеми другими странами включая остальные республики бывшего Союза. Сложнее обстояло дело с перспективами интеграции России в международное общество.

К 1991 г., когда «холодная война» окончательно закончилась в связи с исчезновением СССР, Запад вместо сплоченного враждебного лагеря оказался лицом к лицу с множеством его больших и малых осколков, и практически все они являлись источниками реальных или потенциальных угроз, опасностей или рисков. Эта ситуация привела западных лидеров к выработке двойной стратегии – постепенной интеграции бывших союзников СССР и некоторых бывших советских республик в западное общество и одновременного вовлечения России – основного наследника Советского Союза – в систему «особых отношений» с США и Европой. Со своей стороны российское руководство на протяжении 1990-х годов эволюционировало от попыток интеграции на собственных условиях к стремлению реконструировать Россию как *современную великую державу*.

К началу XXI столетия стало совершенно ясно, что Россия всерьез стремится интегрироваться в мировую экономическую систему, но при этом намерена оставаться независимой (как от Запада, так и от Востока) политической и стратегической величиной, претендующей на существенную роль в глобальном управлении международной системой. Одновременно стало очевидно, что западные институты (НАТО, Европейский союз, система формальных военно-политических союзов США) могут включить в число своих членов наряду с Балканами и Турцией также Украину и некоторые другие новые государства бывшего СССР, но при этом Российская Федерация – во всяком случае, на перспективу до 2025 г. – останется за пределами этой системы институтов.

Именно в этом контексте стоит сейчас проблема отношений Россия – Запад. В принципе Россия идет тем же путем капиталистического развития, как и ее непосредственные западные соседи. В то же время у нее иное историческое наследие, чем у Польши или Украины, иное самосознание населения и иные амбиции элит, чем в Турции. Традиции самодержавия и великодержавия – реальные факторы сегодняшней ситуации, которые не исчезнут и завтра²². Как в таких условиях избежать превращения интеграции в бесперспективную – это надо подчеркнуть – попытку подчинения России Западу? Как выстраивать отношения между географически расширившимся, изменившим свою структуру (от моно- к биполяр-

ной) западным обществом и страной, хотя и крупной, но уступающей США и ЕС, коллективному Западу уже сейчас в десятки раз по величине валового внутреннего продукта, сумме военных расходов и многократно – по численности населения?²³

Попытка разобраться в этом вопросе приводит к необходимости исследования соотношения между двумя потребностями России XXI в.: с одной стороны, стремлением утвердить свою обновленную идентичность и, с другой стороны, необходимостью не только экономической, но и более широкой – социальной и политической – интеграции с наиболее продвинутой частью современного мира – международным обществом, проще говоря – Западом.

Прежде чем сосредоточиться на проблеме российско-западных отношений, необходимо разобраться в феномене современного Запада, его генезисе как политического образования. Для целей нашего исследования особенно важно проследить эволюцию «мирового Запада» на протяжении XX в.

Феномен политического Запада

ПЕРВОЙ СОВРЕМЕННОЙ ИНКАРНАЦИЕЙ политического и стратегического Запада²⁴ стала англофранцузская Антанта, основанная в 1904 г. Этот союз отличался от других коалиций европейских держав несколькими важными особенностями. Во-первых, Антанта знаменовала «вечный мир», положив конец исторической вражде между двумя великими державами Европы и постоянными соперниками – Англией и Францией. Присоединение России к этому союзу еще более укрепляло дружественные русско-французские отношения и создавало условия для урегулирования русско-английских противоречий на Среднем Востоке и прекращения Большой игры на основе признания сторонами статус-кво²⁵.

Во-вторых, Антанта была первым военно-политическим союзом преимущественно демократических государств, объективно противостоявшим союзу государств авторитарных (хотя, разумеется, это противоречие совсем не являлось причиной Первой мировой войны). Россия здесь стояла особняком: царский режим был гораздо ближе к политическому режиму Османской империи, двуединой австро-венгерской монархии и кайзеровской Германии, чем к парламентским демократиям Англии и Франции. Тем не менее членство России в Антанте объективно усиливало стимулы к расширению представительного правления, учрежденного манифестом Николая II от 17 октября 1905 г.

В-третьих, союз между Антантой и США впервые привел к военному и политическому участию США в делах Европы, сделал США европейской державой, а сам союз – всемирным по охвату. Участие в мировой войне британских доминионов – Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки – впервые вовлекло эти страны в глобальные политические и стратегические отношения.

В-четвертых, союзники, среди которых тогда еще не было явного гегемона, создали первые коалиционные органы в политической области (Верховный совет Антанты) и в сфере военного командования. Россия вела войну самостоятельно, но координировала свои усилия с союзниками, получала от них помощь и отправляла свои войска (Русский экспедиционный корпус) на Западный фронт.

Наконец, после окончания мировой войны западные союзники сделали заявку на создание первой универсальной структуры управления системой международных отношений – Лиги Наций (по иронии истории инициатива создания лиги исходила от США, но реализовывать на практике американскую идею, которая не получила поддержки на родине, пришлось Франции и Великобритании). К этому времени, однако, советская Россия оказалась уже за рамками не только Антанты, но и – на время – системы международных отношений вообще.

Запад, который был представлен в 1919 г. в Версале, был, таким образом, одновременно понятием географическим – входившие в него государства располагались к западу от Германии, лидера побежденного блока центральных держав, и политическим – США, Великобритания (с доминионами) и Франция в начале XX в. были государствами с либеральными политическими режимами, эволюционировавшими в направлении все более глубокой и широкой демократии. Первым идеологическим манифестом либеральной демократии стали Четырнадцать пунктов президента США Вудро Вильсона. Эта двойная определенность не означала замкнутости: Устав Лиги Наций (которая была шире, чем инициировавшая ее Антанта) содержал универсалистское послание. Тем не менее членство в лиге (т. е. в мировом сообществе) подразумевало приверженность некоторым нормам международного поведения, отступление от которых могло привести к исключению из организации.

Политическая интеграция Запада в формате «Антанта плюс США» ненадолго пережила победу союзников. Хотя чувство общности трех ведущих западных демократий, скрепленное жертвами и переживаниями мировой войны, сохранилось, политического взаимодействия между ними в мирное время наладить не удалось. Роковой ошибкой западных союзников было исключение побежденного противника, Германии, из послевоенной системы международных отношений и возложение ими на Германию всей полноты моральной и материальной ответственности за войну. Изоляционистская политика США и разногласия между Францией и Англией быстро привели к распаду первой версии политического Запада. Веймарская Германия была принята в Лигу Наций слишком поздно (в 1926 г.), причем равенства с державами-победительницами она так и не получила: репарации продолжали взиматься. Бессилие Лондона и Парижа сохранить Версальскую систему, их отчаянная политика «умиротворения» гитлеровской Германии стали одной из самых позорных страниц истории политического Запада, предостережением на будущее.

Следующая попытка консолидации западных демократий отнюдь не была связана ни с Октябрьской революцией в России, ни с последующим *строительством социализма* в СССР. Военная интервенция США, Англии, Франции, Японии в России и политическое вмешательство этих стран в гражданскую войну на стороне противников большевиков было в целом периферийной военной акцией, имевшей целью не свержение «красных», а скорейший разгром Германии. На вызов международного коммунизма и мировой экономической кризис страны Запада ответили не войной, а политической изоляцией советской России (при ее одновременном дипломатическом признании), созданием так называемого санитарного кордона вдоль ее европейских границ, но главным образом – политикой кооптации рабочих партий и движений внутри западных стран и проведением серии социально-экономических реформ. Это был асимметричный, но эффективный ответ Запада Третьему интернационалу.

Вторая инкарнация Запада стала запоздалым ответом на агрессивную политику Гитлера.

Соглашение об объединении Великобритании и Франции в единое государство в июне 1940 г. стало отчаянным решением, принятым в условиях агонии Франции и разгрома британских экспедиционных сил. Оно не имело последствий. Оставшись в одиночестве, Великобритания продолжала сопротивление, что имело огромное моральное значение для консолидации всех либеральных и демократических сил в самый тяжелый период Второй мировой войны – 1940–1941 гг. Лондон в это время стал местом пребывания эмигрантских правительств оккупированных Германией европейских государств. Лозунг объединения демократий перед лицом тоталитаризма приобрел материальную основу после того, как Великобритания получила поддержку США.

Атлантическая хартия США и Великобритании (август 1941 г.) стала идеологическим и политическим манифестом демократического Запада. С вступлением США в войну против Германии (декабрь 1941 г.) Запад вновь приобрел черты военно-политической коалиции, ядро которой формально состояло из США и Великобритании при фактически ведущей роли Вашингтона. К этому ядру тесно примыкали самоуправляющиеся доминионы Британской империи – Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз. Несмотря на то что к Атлантической хартии вскоре присоединились правительства в изгнании ряда европейских стран, реально Запад времен Второй мировой войны представлял собой в основном сообщество народов, говоривших на английском языке.

Ранний «англосаксонский» характер этого объединения хорошо просматривается на примере отношения официальных Вашингтона и Лондона к роли Франции в послевоенном устройстве мира. Официальная капитуляция Франции, создание прогерманского правительства Виши, коллаборационизм части французской элиты отражались и на отношении англоамериканцев к организации «Свободная Франция», возглавлявшейся генералом де Голлем.

Французская 1-я армия вошла в Париж как освободительница в августе 1944 г. фактически вопреки планам союзников. До освобождения Франции Вашингтон и Лондон не признавали права де Голля представлять Францию на международной арене. На союзных конференциях в Потсдаме и Ялте в 1945 г. (т. е. уже после освобождения Франции) французского представителя не было. Тем не менее Франция получила (из британской доли) зону оккупации в Германии и сектор в Берлине. С этого момента Франция стала полноправным членом послевоенного Запада.

Итак, западное сообщество времен Второй мировой войны включало наиболее близкие, максимально однородные компоненты – США и Великобританию с ее «белыми» доминионами. Тесное ядро этого Запада скрепляла общность языка, этнического и религиозного состава населения, культуры, исторического опыта. При внешнем различии форм правления (британская монархия – американская республика) и политических систем (парламентская демократия в Англии и доминионах – президентская форма правления в США) определяющим было сходство политических режимов: все англоязычные страны уже к первой половине XX в. стали либеральными демократиями.

Огромное значение имело то, что в США именно англо-американцы стали основой американской нации. Не только в течение колониального периода, но даже вплоть до 1830-х годов Северная Америка (затем США) была преимущественно сообществом англоамериканцев (именно об «англоамериканцах» говорит Алексис де Токвиль). Что касается идеологии «англосаксонства», духовно объединившей США с Великобританией и ее доминионами, то она возникла еще в начале XX в.²⁶ В 1940-е годы понятие «англосаксы» или «англоамериканцы» вошло в международный политический язык²⁷. Две мировые войны на памяти одного поколения, в ходе которых британские и американские военнослужащие сражались бок о бок нередко под единым командованием, создали мощную эмоциональную связь. Стремясь распространить и утвердить представление об общности судьбы 220 млн человек²⁸, Уинстон Черчилль написал многотомную «Историю народов, говорящих на английском языке»²⁹.

К Атлантической хартии наряду с доминионами Британской империи присоединились законные правительства оккупированных нацистами стран Западной, Северной и Центральной Европы – Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Дании, Норвегии, Польши, Чехословакии. Страны Западной и Северной Европы, впоследствии освобожденные войсками западных союзников, обладали двумя особенностями. Географически они были обращены к Атлантике, а политически к моменту германской оккупации являлись либеральными демократиями.

К Атлантической хартии присоединился и Советский Союз, который вскоре стал одним из авторов Устава Организации Объединенных Наций. Проблема взаимоотношений СССР и западных держав в рамках антигитлеровской коалиции и затем в организации послевоенного устройства мира будет рассмотрена в последующих разделах этой главы. Для исследования генезиса Запада достаточно подчеркнуть, что почти сразу после окончания Второй мировой войны политическое, идеологическое и военное противостояние с Советским Союзом стало основой беспрецедентного в истории сплочения и единства Запада.

В 1946 г. У. Черчилль произнес две важные речи – одну в Фултоне (США) о «железном занавесе», другую в Цюрихе об объединении Европы. Несмотря на то что с окончанием Второй мировой войны непосредственные причины, приведшие к возрождению феномена политического Запада, исчезли, это образование не распалось. Урок «проигрыша мира» вслед за победой в Первой мировой войне был усвоен. Западное сообщество впервые приобрело мирную миссию: не только исключить новую агрессию со стороны Германии, но и уравновесить советское военно-политическое присутствие в Европе к востоку от линии

Росток – Прага – Триест и не допустить к западу от этого нового водораздела прихода к власти политических союзников и клиентов СССР – местных коммунистических партий. В 1947 г., т. е. еще до формального начала «холодной войны», был создан первый «мирный» Западный союз в составе Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Таким образом, уже непосредственно после окончания Второй мировой войны западное общество вышло за пределы своего первоначального тесного ядра. Новые политические и военно-стратегические задачи потребовали интеграции (или кооптации) в состав Западных стран и регионов, имевших иные этнические, религиозные и культурные корни, иной исторический опыт, иные политические традиции, чем США и доминионы Британской империи. Запад перестал быть англосаксонским, атлантическим и основанным исключительно на либерально-демократических традициях. Либеральная демократия стала не столько знаком отличия, сколько инструментом консолидации в борьбе с коммунистическим противником. Этот фактор приобрел особую роль с учетом особенностей политической культуры единого лидера Запада – Соединенных Штатов Америки.

Америка, по известному выражению Честертона, является «нацией с душой церкви»³⁰. Соответственно, для внешней политики США вопрос о характере политического режима в иностранном государстве всегда имел гораздо большее значение, чем для «секуляризованных» стран Западной Европы. Сама американская Война за независимость позиционировала себя как *революцию*. Как и случившаяся вскоре Французская революция, она оперировала идеологическими, а не только геополитическими понятиями. Английский король Георг III был для восставших колонистов не просто супостатом, а идеологическим противником, «тираном». Индекс свободы, ежегодно публикуемый американской неправительственной организацией «Freedom House», а также многие другие рейтинги государств по различным аспектам их демократического развития являются серьезным ориентиром для американского политического класса, своего рода определителем «свой – чужой». Американцы убеждены, что их безопасность и процветание непосредственно зависят от того, насколько широко либеральные и демократические ценности распространятся в мире, насколько глубоко они укоренятся в «проблемных» с точки зрения внешней политики США странах.

К середине 1950-х годов в общество стран Запада были включены бывшие противники США и Великобритании во Второй мировой войне: Западная Германия и Италия в Европе, Япония в Азии³¹. Интеграция бывших противников осуществлялась в условиях их военной оккупации (многосторонней в случае Западной Германии, англо-американской в Италии, американской в Японии), демократизации «сверху» и «извне» их политических систем, реформы экономических отношений, перевоспитания элит и всесторонней (и добровольной) вестернизации обществ. В военно-политическом отношении бывшие противники включались в систему американских союзов (НАТО и японо-американский Договор безопасности) в качестве младших партнеров США, их вооруженные силы жестко ограничивались и ставились под американский и международный контроль. Надо, однако, особо подчеркнуть, что успех интеграции ФРГ, Италии и Японии был обеспечен тем, что основы либерализма в политической системе этих стран были заложены в XIX – первой половине XX в. Нацизм, фашизм и ультрамилитаризм были в этом смысле сравнительно кратковременными aberrациями.

Политика западной интеграции была сознательным выбором политической элиты ФРГ во главе с первым канцлером «боннской республики» Конрадом Аденауэром. Урок, который он и правящий класс страны в целом извлекли из опыта двух мировых войн и межвоенного периода, заключался в том, что ради целей выживания, восстановления и последующего развития Германия должна была отказаться от особых немецких национальных интересов, от традиционного представления о себе как о центральной стране в Европе и связанной с этим «политики маятника» между Востоком и Западом и однозначно и безусловно выбрать

западный вектор интеграции – т. е. присоединения к победителям в качестве их младшего союзника и лояльного партнера. Успех политики «западной интеграции» определялся ожесточенностью противостояния на немецкой земле, расколом страны и нации, фактически не оставлявшими места для какой-либо нейтралистской позиции и политики балансирования между полюсами. Западная Германия «ушла на Запад», потому что в условиях «холодной войны» она была лишена шанса на объединение. В то же время К. Аденауэр был носителем старой либеральной традиции в германской политической культуре, которая с разгромом нацизма получила возможность реализовать свой проект создания демократической Германии.

В Италии и Японии, которые, в отличие от Германии, не были разделены на зоны влияния между победителями в войне, важнейшим побудительным мотивом западной ориентации стало стремление правящих элит этих стран гарантированно исключить приход к власти местных коммунистических партий и их союзников с последующим включением в орбиту советского влияния. В этой связи огромную роль сыграл наглядный пример стран Восточной Европы, материкового Китая и Северной Кореи. При всех особенностях и различиях итальянской и японской политических культур лидеры христианских демократов Италии и либеральных демократов Японии стремились к укреплению в своих странах конституционных начал, верховенства закона и в конечном счете демократии.

Итак, логика «внешнего» геополитического противостояния и стремление отразить вызов со стороны «внутреннего противника» заставила элиты западноевропейских стран тесно сотрудничать друг с другом и сплотиться (вместе с Японией) вокруг бесспорного лидера коллективного Запада – США. План Маршалла (1947 г.) и созданная на его основе Организация европейского экономического сотрудничества и развития стали экономической основой всесторонней интеграции. Спустя два года Западный союз проложил дорогу к заключению Северо-

Атлантического договора, который еще через три года конституировался в постоянную организацию (НАТО). Так определился атлантический вектор интеграции. На «параллельном треке» план Шумана и созданные на его основе Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, 1952 г.), а затем Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и «Евратом» (1957 г.) обозначили европейский интеграционный вектор. В условиях «холодной войны» оба вектора были не столько конкурирующими, сколько взаимодополняющими.

Результатом стало формирование к концу 1950-х годов полномасштабного международного (Западного) общества. Наряду с главными институтами Запада – военно-политическим (НАТО), экономико-политическим (ЕЭС) – в состав общества вошли доминионы бывшего Британского Содружества – Австралия и Новая Зеландия, ведущие неевропейские союзники США – Япония и Израиль (хотя формально Израиль американским союзником не являлся), а также нейтральные некоммунистические страны Европы – Австрия, Ирландия, Финляндия, Швейцария и Швеция. Наиболее полно понятие «Запад» в тот период охватывалось членским составом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Потребности политического и военного противостояния с СССР и международным коммунистическим движением потребовали от США привлечения новых союзников: Греции, Турции, Португалии, позже Испании – в рамках НАТО в Европе, Южной Кореи и Тайваня – в системе американских союзов в Восточной Азии, ряда стран в Юго-Восточной и Западной Азии (Филиппин под эгидой СЕАТО и Ирана и Пакистана в рамках СЕНТО), стран Латинской Америки (под флагом Организации американских государств и Пакта Рио-де-Жанейро). Составляя вместе с ядром Запада пространство так называемого свободного (т. е. некоммунистического) мира, но будучи при этом существенно удаленными от этого ядра вследствие различия в уровнях экономического, социального и политического развития, эти страны в дальнейшем пошли различными путями. Греция после 1974 г., Португа-

лия после 1975 г., Испания после 1976 г. и Турция после 1980 г., встав на путь демократического развития, сумели войти в западное общество. Нечто похожее произошло в 1990-е годы в Южной Корее, которая наряду с Японией в результате экономических достижений, социального и политического прогресса стала современной либеральной демократией. Тайвань, хотя он тоже в условиях либеральных свобод и на волне экономического успеха сумел к началу XXI в. превратиться в демократическое общество, остался тем не менее за пределами Запада из-за проблемы его международного положения.

Блоки СЕАТО и СЕНТО в отличие от НАТО оказались ситуативными военно-политическими комбинациями, лишенными социально-политической основы³². Они не привели к расширению международного общества в своих регионах. Возникшие там позднее новые региональные организации – Совет сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в той или иной степени сотрудничают с Западом, но не являются его составной частью. Напротив, в странах Латинской Америки в 1970-1990-е годы были проведены важные экономические и политические реформы, которые приблизили наиболее продвинутые из них к либеральным демократиям западного типа. Мексика в 1993 г. вошла (вместе с США и Канадой) в Северо-Американскую зону свободной торговли (НАФТА). Чили в 2003 г. заключило соглашение о свободной торговле с США. В то же время ведущие страны Южной Америки – Аргентина и Бразилия – остаются политическими и военными союзниками США.

Запад после «холодной войны»

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ОКОНЧИЛАСЬ для Европы и США 9 ноября 1989 г. падением (реально – вскрытием) Берлинской стены. Наиболее важным после «холодной войны» этапом в формировании Западного общества стало расширение НАТО и Европейского союза с включением в их состав бывших членов «советского блока», Балтийских республик бывшего СССР и некоторых нейтральных государств. Первым шагом на этом пути стало объединение Германии (в форме вхождения ГДР в состав ФРГ, оставшейся в рамках НАТО и ЕЭС) в 1989–1990 гг. Вторым – преобразование ЕЭС в Европейский союз в 1992 г. (Маастрихтский и Амстердамский договоры). Третьим – включение в ЕС прежде нейтральных государств: Австрии, Финляндии и Швеции (1995 г.). Четвертым – расширение НАТО на три страны Центральной Европы (1999 г.). Пятым – двойное расширение НАТО и ЕС (2004 г.). В результате к 2004 г. НАТО включало в свой состав 26 государств, ЕС – 25 (в 1989 г. – соответственно 16 и 12). Численность населения этих двух групп стран выросла до 750 и 450 млн человек.

Бывшие социалистические страны рассматривали присоединение к Западу как свое «возвращение в Европу». Пребывание в советской зоне влияния никогда не было особенно популярным в обществе и среди элит. Запад привлекал свободой и демократией, но еще больше – гораздо более высоким жизненным уровнем. Сразу после 1989 г., когда западные лидеры, занятые проблемой воссоединения Германии³³, еще не думали о расширении своих институтов, элиты Центральной и Восточной Европы сознательно взяли курс на западную интеграцию. Этот курс нашел широкую общественную поддержку. В то время как элиты заботились о геополитике и повышении собственного международного статуса, общество рассчитывало прежде всего на рост благосостояния.

Помимо расширения состава западного общества с окончанием «холодной войны» изменилась и его структура. В 1941–1945 гг. США и Британская империя еще формально сотрудничали на равноправной основе (отношения на уровне Рузвельт – Черчилль, в рамках Объединенного комитета начальников штабов), но с окончанием войны ослабление Великобритании не оставило Лондону надежд на большее, чем «особые отношения» с лидером – США. Смена Вашингтоном Лондона в качестве гаранта безопасности Греции и Турции в 1947 г. стала символической точкой отсчета единоличного доминирования США, а Суэцкий кризис 1956 г. окончательно похоронил претензии Великобритании (и Франции) на самостоятельную роль первого плана в рамках коллективного Запада. Несмотря на быстрое восстановление экономической мощи, Германия и Япония на протяжении всего периода «холодной войны» находились в подчиненном положении политических карликов. Доминирование США в структурах и институтах Запада являлось абсолютным и безусловным вплоть до начала 1970-х годов.

Травма вьетнамской войны вызвала кризис внешней политики США и побудила американское руководство позаботиться о подключении ведущих союзников к участию в управлении международным обществом. В 1970–1980-е годы это происходило в рамках концепции трилатерализма – распределения бремени и проведения консультаций между США, странами ЕЭС и Японией при сохранении американского лидерства. Тенденция к формированию более равновесной конструкции была остановлена – практически одновременно – кризисом японской экономической и политической модели и самоликвидацией советского блока. Из ведущей державы Запада США превратились в единственную мировую сверхдержаву.

Параллельно беспрецедентному возвышению США развивалась тенденция к конституированию европейского центра силы в рамках Европейского союза. Признаки грядущего дуализма США – ЕС появились еще в начале 1990-х годов, но тогда европейцы оказались морально и политически не готовы следовать собственным декларациям. Это подтвердили

Боснийский и Косовский кризисы. С другой стороны, введение евро в качестве единой европейской валюты, первые шаги на пути формирования европейской политики в области безопасности и обороны, общей внешней политики и Конституции ЕС (несмотря на отрицательный исход референдумов во Франции и Нидерландах в 2005 г.) обозначили долгосрочные устремления Европы.

Радикальное изменение распределения силы и влияния в мире – прежде всего возвышение азиатских гигантов Китая и Индии, а также подъем таких стран, как Бразилия, Индонезия и ЮАР, – приводит некоторых аналитиков к выводу, что в мире XXI столетия такие понятия, как Восток и Запад, Север и Юг, неприсоединившиеся государства и члены военно-политических альянсов, развитые и развивающиеся страны, устаревают³⁴. Этот вывод не вполне корректен. Содержание и объем перечисленных понятий действительно изменяются, но все они – за исключением исчезнувшего как политическое целое Востока – сохраняют значение, и прежде всего Запад, который, конечно же, также меняется.

Налицо несколько противоречивых тенденций. Во-первых, *феномен расширяющегося Запада*. В широком плане речь идет о глобальном – Восточная Европа, Латинская Америка, ряд стран Азии – распространении институтов либерализма, демократии, рыночной экономики, гражданского общества³⁵. В более узком плане – о расширении институтов коллективного Запада – НАТО, ЕС, системы союзов США. Оба процесса оказались настолько успешны, несмотря на очевидные проблемы, что называть расширяющееся общество западным в географическом и цивилизационном отношении становится все труднее. Можно принять (хотя и с оговорками) тезис о возвращении в Европу (иначе говоря, в лоно западной цивилизации) католических и протестантских стран Центральной Европы и Балтии. Однако большая часть Балкан, страны новой Восточной Европы (прежде всего Украина) и Южного Кавказа (Грузия), которые тяготеют к НАТО и ЕС, Западом в культурном смысле никогда не были. Чем шире круг стран «нового Запада», тем менее «западным» в культурно-цивилизационном отношении является новое сообщество.

Во-вторых, *феномен разделяющегося Запада*. После кризиса в трансатлантических отношениях 2003 г. вопрос о том, существует ли еще Запад как единое целое, стал задаваться повсеместно. Представляется, однако, что вопрос сформулирован некорректно. Дело не в том, что политического Запада больше нет, а в том, что он перестал быть единым. Атлантический океан уже не только связывает, как в годы «холодной войны», но и разделяет. Это не трагедия, а нормальное состояние, определяющееся различием интересов компонентов современного международного общества. Исторической аберрацией была как раз «холодная война», когда доминировал единственный интерес выживания Запада и его институтов в противостоянии с Советским Союзом и международным коммунизмом. Расширяющийся и при этом разделяющийся Запад, однако, остается целостным, интегрированным обществом. Что же объединяет его членов?

Что делает Запад Западом?

Институты. Современный Запад – это система институтов, обеспечивающих свободу личности, защиту частной собственности, верховенство закона, свободу предпринимательства, политический плюрализм при представительном правлении и ограниченной роли правительства, уважение и защиту прав меньшинств, религиозную свободу и т. п. Любое общество, где действуют эти институты, может считаться западным, где бы оно ни располагалось географически и какими бы культурными и цивилизационными корнями ни питалось.

Ценностные ориентации. Изначально западная общность основывалась на традиционных ценностях западнохристианской (или иудеохристианской) культуры. Развитие демократии и рынка, широкое распространение массовой культуры привели, особенно после европейской «культурной революции» 1968 г., к развитию и частичной ревизии (в направлении от модерна к постмодерну) этих начальных ценностей. После терактов 11 сентября 2001 г. наметилось, особенно в США, движение в противоположном направлении – к уменьшению толерантности и реставрации более традиционных подходов к таким вопросам, как права человека, гражданские свободы, культурное разнообразие и т. д. Количественное увеличение числа членов международного общества, ведущее к расширению и обогащению его культурно-цивилизационной основы, одновременно требует интернализации новыми национальными обществами базовых ценностей Запада³⁶.

Самосознание. Чувство общности судьбы. Польские, чешские, венгерские элиты на протяжении 1990-х годов проявили огромную волю и настойчивость для того, чтобы их страны были приняты в НАТО и ЕС как «свои». Без их стараний расширение западных институтов на восток вряд ли произошло бы. Национальные элиты Балтийских государств еще с конца 1980-х годов настаивали на полном отделении от СССР и постсоветского пространства. Аналогичным образом Словения еще в 1991 г. отделила себя от Балканского региона и бывшей Югославии как таковой. Турция прикладывает максимум усилий для того, чтобы быть принятой в ЕС. Украина после выборов 2004 г. однозначно закрепила атлантический и европейский векторы своей внешней политики в качестве главных. Президент Румынии Ион Илиеску, выступая в 2004 г. на Европейском экономическом саммите в Варшаве, проводившемся под эгидой Всемирного экономического форума накануне расширения ЕС, заявил, что географический центр Европы находится на Балканах и что «настоящая» Юго-Восточная Европа располагается на Кавказе. Грузинские элиты глубоко убеждены в европейском характере своей страны. Практически все государства старой Восточной Европы и их преемники в той или иной форме выразили стремление присоединиться к ЕС и многие из них – также к НАТО.

Сказанное выше не означает, что через 10–15 лет Украина или Грузия станут членами Евросоюза – в том числе и из-за процессов внутри ЕС. Гораздо важнее уже выявившаяся западническая ориентация – причем не только элит, но и нарождающихся средних классов этих стран. Членство Киева и Тбилиси в НАТО, представляющееся вполне вероятным уже в пятилетней перспективе, способно закрепить и усилить этот тренд.

В «старых» членах Евросоюза, США и других странах Запада времен «холодной войны» тема общности судьбы подвергается переосмыслению. На западе ЕС, особенно в континентальных странах, дуализм европеизма и атлантизма сменяется явным преобладанием первого. В США под влиянием демографических трендов в долгосрочной перспективе может возобладать «новый американизм», ограничивающий приоритетную сферу интересов Западным полушарием. В Австралии уже давно идет дискуссия о том, с судьбой каких больших общностей связана эта страна-континент – Европы, Америки или Азии.

Внутренний мир. При всех сохраняющихся и отчасти даже углубляющихся различиях интересов стран международного общества война уже с середины XX в. перестала быть средством разрешения противоречий между ними. Формально не все члены сообщества – союзники: Ирландия, Швеция, Австрия, Финляндия, Швейцария не входят в НАТО и не имеют двусторонних военных пактов с США. Иногда даже между союзниками возникают острые разногласия (Франция/Германия – США/Великобритания по поводу войны в Ираке в 2003 г.). Тем не менее война *внутри* современного Запада немислима *ни при каких обстоятельствах*. Сравнение англо-испанских отношений (по поводу Гибралтара), с одной стороны, и англоаргентинских (по поводу Фолклендских/Мальвинских островов), с другой, является показательным. Угроза войны резко снижается в результате успеха демократизации и практически исчезает в результате институциональной интеграции. Другой пример – сдерживающая роль НАТО в греко-турецких отношениях начиная с 1950-х годов. В принципе можно утверждать, что аналогичный уровень уже достигнут в отношениях России и ведущих европейских членов НАТО, а также Японии. Война между Россией и Германией сегодня столь же невероятна, как война между Германией и Францией³⁷.

По контрасту, однако, сохраняется (хотя и в ослабленном виде) конфликтный потенциал, способный привести к вооруженным столкновениям между Россией и некоторыми новыми государствами (например, Грузией). Еще важнее, что, несмотря на окончание «холодной войны», Российская Федерация и Соединенные Штаты фактически продолжают политику взаимного ядерного сдерживания. Ядерные отношения России и США принципиально отличаются от соответствующих отношений США и Франции. Кроме этого, реальная военная доктрина России исходит из того, что отражение воздушно-космического нападения (на которое в обозримой перспективе способны только США) является главной задачей российских Вооруженных сил³⁸. В высказываниях президента Путина, сделанных непосредственно после Беслана, Запад фактически обвиняется в стремлении ослабить Россию, лишить ее статуса ядерной державы, оторвать от нее отдельные территории. Исламский экстремизм и терроризм выступают, по версии Кремля, в качестве инструментов такой политики Запада³⁹. Есть основания полагать, что идея России как осажденной врагами крепости – не только пропагандистский штамп, но и отражение того, как нынешнее российское руководство на самом деле видит окружающий мир.

Демократическая политика. При всех различиях в степени зрелости демократических политических режимов в рамках расширившихся ЕС и НАТО все они развиваются достаточно устойчиво. Существует развитая многопартийность, сменяемость власти обеспечивается благодаря институту свободных и честных выборов. Средства массовой информации свободны от контроля со стороны государства. Разделение властей достигается благодаря различным вариантам системы сдержек и противовесов.

В большинстве случаев роль парламента в политической жизни первостепенна, поскольку исполнительная власть, как правило, опирается на парламентское большинство. В новых западных демократиях президент либо делит властные полномочия с главой правительства (как, например, в Польше), либо является символом единства нации и выполняет представительские функции (как в Эстонии). Постепенно электоральная демократия в этих странах перерастает в демократию участия.

Экономическое благосостояние. Приверженность политической демократии основывается на экономическом фундаменте и системе социальных отношений⁴⁰. Различия в уровнях ВВП на душу населения в рамках расширенного Запада велики. Так, после принятия десяти новых членов в состав ЕС в 2004 г. наиболее крупной из вновь вступивших стран, Польше, чтобы достичь среднего уровня душевых доходов в рамках Союза, потребуется 59 лет, наиболее передовой, Словении, – 31 год, а наиболее отсталой, Румынии, – 80 (Кипру

– 21 год, Болгарии – 63)⁴¹. Тем не менее группа стран, составляющих современный Запад, резко выделяется по уровню экономического развития. Есть основания говорить о том, что потребность в демократии появляется у обществ при достижении ими определенного уровня благосостояния, выраженного в ВВП на душу населения. Россия в этом отношении стоит позади Польши, несколько впереди Украины и примерно на одном уровне с Румынией и Болгарией. В то же время для России характерен уровень социального неравенства, обычный для более отсталых стран.

Богатство и характер его распределения, однако, не являются главным критерием при решении вопроса о принадлежности тех или иных стран к международному обществу. Наличие функционирующих демократических институтов является еще более важным фактором. В этой связи богатые нефтью монархии Персидского залива и Бруней не станут полноценной частью этого общества, пока не совершат «демократический транзит». Даже вполне западный по большинству оснований Сингапур демонстрирует очевидный дефицит демократии. Принадлежность к международному обществу, однако, определяется еще несколькими факторами, по которым позиции России далеко отстоят от позиций даже близких соседей.

Американское лидерство. В период «холодной войны» фактическая гегемония США в рамках западной «подсистемы» не только признавалась, но рассматривалась как свидетельство готовности и решимости Америки защищать каждого из членов Запада, а также коллективные западные интересы и ценности. Окончание биполярного противостояния привело, с одной стороны, к беспрецедентному росту мощи США, их превращению в единственную сверхдержаву, а с другой – к снятию ограничений для объединения Европы и превращения Европейского союза в более сплоченное сообщество, хотя еще и не в самостоятельный центр силы. ЕС в целом признает американское лидерство – прежде всего в вопросах международной безопасности, но настаивает на консультативном характере этого лидерства.

Таким образом, можно сделать вывод, что границы Запада являются подвижными. Современный Запад – не особая замкнутая культурно-цивилизационная общность, а иное обозначение для складывающейся универсальной цивилизации, основанной на внутренних институтах: ценностях личной свободы, рыночной экономики и политической демократии. «Внешние» институты Запада – НАТО, ЕС – обладают определенной способностью к расширению, но эта способность в принципе ограничена. Принятая в ЕС в начале 2000-х годов политика Нового соседства очертила круг потенциальных кандидатов на членство в Союзе; в рамках программы НАТО «Партнерство во имя мира» осуществляются практические мероприятия по подготовке ее наиболее активных участников к членству в НАТО. Импульс, идущий изнутри стран-кандидатов, подкрепляется убеждением лидеров

Запада, что расширение НАТО и ЕС до определенных пределов – одновременно геополитическая необходимость и новая историческая миссия их объединений. Постепенно складывается понимание того, что в долгосрочной (10–15 лет) перспективе граница максимального расширения Запада (НАТО и/или ЕС) в Европе может практически полностью совпасть с западными рубежами Российской Федерации.

Что определило успех западной интеграции? Прежде всего органичность интеграционных процессов, базирующихся на однотипных институтах, разделяемых ценностях, а также общих политических, экономических и военных интересах. Интеграция в западное сообщество не навязывалась тем или иным странам, а, наоборот, предоставлялась им как награда, которую кандидатам необходимо было заслужить. Евросоюз в 1992 г., НАТО в 1995 г. изложили официальные перечни критериев членства. Несмотря на то что вопрос о принятии конкретных кандидатов в состав обеих организаций и после этого остается политическим, необходимость соответствия базовым требованиям очевидна. Главный импульс при этом исходит не извне – от Запада к потенциальным кандидатам, а от самих этих кандидатов – к

Западу. Речь, таким образом, идет больше о вступлении, присоединении, чем о расширении и включении.

Фактически ни в одном случае интеграционные процессы в рамках Запада не сменились дезинтеграционными. С конца 1940-х годов ни одна страна не отпала от общества. Дело было не столько в дисциплине «холодной войны», которая не позволяла союзникам США (например, Италии или Португалии) «менять ориентацию», сколько в эффективности либерально-демократических институтов и привлекательности западного образа жизни. Эта привлекательность в еще более усиленной форме сохраняется по сей день. Тем не менее она не всегда и не везде сопровождается готовностью к соответствующей социально-экономической и политической трансформации. Одно дело – завидовать так называемому золотому миллиарду, другое – реализовывать национальную стратегию современного экономического роста, сопровождая ее политикой последовательной либерализации и демократизации.

Запад и вызов XXI века

НЕСМОТря НА РАСШИРЕНИЕ «внешних» институтов Запада, международное общество XXI в. охватывает небольшую, относительно уменьшающуюся часть человечества. Демографическая динамика действует не в пользу Европы и Японии, и только США сохраняют на перспективу сравнительно высокие темпы прироста населения. Разрыв в уровне доходов и качестве жизни между Западом и остальной частью человечества увеличивается. Глобализация, единое информационное пространство делают эти различия все менее терпимыми. Вызов Западу со стороны Юга – в том числе со стороны выходцев с Юга, постоянно проживающих на Западе, – становится все более серьезным. Международный терроризм в его современном издании – т. е. в качестве оружия исламистского радикализма⁴² – представляет его наиболее крайнее проявление.

Полномасштабное столкновение Севера и Юга означало бы мировую катастрофу, остановку развития, движение вспять. «Новый империализм», предлагаемый рядом авторов⁴³, мог бы быть полезен в конкретных ситуациях, но опыт Ирака демонстрирует стойкое нежелание европейцев идти по пути «реимпериализации» и все более очевидную неспособность США не только распространять демократию, но и обеспечивать послевоенное умиротворение страны. НАТО осуществляет ограниченное присутствие в Афганистане, но не участвует в обеспечении безопасности в Ираке. При этом демонстрационный эффект ЕС, международное значение современного европейского опыта довольно ограничены. Что бы ни понимать под «американской империей», мышление американских политиков и их конкретные шаги остаются преимущественно национальными, а не «общеимперскими».

Кроме того, как показывает опыт последних лет, даже нынешний расширенный состав международного общества недостаточен для организации эффективного глобального управления. Для практического решения такой задачи потребовалось бы формирование ядра более широкого мирового сообщества. Наряду с лидерами Запада – США и ЕС, а также Японией, – в состав этого сообщества должны были бы войти ведущие региональные державы: Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия, ЮАР, Иран, возможно, Египет как представитель арабского мира. Уже вскоре после 11 сентября 2001 г. проявилась объективная возможность формирования такого сообщества, иначе говоря – превращения временной антитеррористической коалиции в основу для системы международных отношений XXI столетия. При этом политический Запад мог бы стать ядром такой системы – подобно тому, как после Второй мировой войны англосаксонская солидарность стала ядром политического Запада.

Инициатива реформы глобального управления в принципе должна была бы исходить от ядра современной мировой системы – США. После 11 сентября администрация Джорджа Буша-младшего проявила принципиальную готовность модернизировать внешнюю политику Вашингтона. Начался поворот от опоры на структуры времен «холодной войны» к созданию подвижных временных коалиций для решения конкретных проблем. В то же время в американской правящей элите так и не созрела идея о том, какой могла бы быть современная модель глобального управления. К началу второй администрации Буша акцент был сделан на активизации международного общества, а не на формировании ядра мирового сообщества⁴⁴.

В этих условиях возможен сценарий, при котором консолидация мирового сообщества не происходит. Многосторонние западные институты приблизились к пределам расширения. В то же время внутри международного общества с большим трудом идут параллельные процессы формирования Европейского ядра и перестройки трансатлантических отношений. США удерживают первенство, но их лидерство постепенно становится более

условным. Проблемы на Большом Ближнем Востоке, в Азии и Африке требуют от Соединенных Штатов все больших усилий и в конце концов принуждают Америку к стратегическому отступлению. Европейцы политически и стратегически отдаляются от США, но при этом политически не консолидируются, а экономически отстают от азиатских конкурентов. Одна из ведущих держав прежнего политического Запада – Япония экономически тяготеет к Восточной Азии, где быстро возвышается Китай. С трудом и большими сложностями в этом регионе постепенно формируется экономическое сообщество, включающее Большой Китай (КНР с Гонконгом плюс Тайвань), Японию и Южную Корею, а также страны АСЕАН. В Южной Азии идет становление самостоятельного центра силы во главе с Индией. Многополярный мир в конце концов становится реальностью, но степень управляемости этого мира и уровень его безопасности серьезно снижаются.

Возникает вопрос о том, возможна ли в начале XXI в. интеграция сравнительно крупных автономных величин в рамках международного общества. Иными словами, возможно ли в результате процесса внутренней модернизации устойчивое сближение культурно не западных стран с США и Европейским союзом – без формального, институционального включения в традиционные западные структуры (НАТО и ЕС), принадлежность к которым традиционно считалась синонимом интеграции? Фактически вопрос ставится о возможности, способах и формах *неинституционализированной интеграции*. От практического ответа на этот вопрос зависит также и будущее место России в системе международных отношений.

Российская идентичность и Запад

ЛЮБОЕ ДВИЖЕНИЕ К ИНТЕГРАЦИИ неизбежно отражается на идентичности интегрируемой страны. Под идентичностью мы будем понимать не столько самобытность той или иной страны и ее народа (это больше относится к области культуры и антропологии), сколько место и роль этой страны среди других и связанные с этим представления. Идентичность тесно связана с государственностью и ее характером, равно как и с позиционированием государства в международной системе, амбициями его элит и самоощущением нации. Страна может утратить идентичность вместе с государственностью (как Польша в 1795–1918 гг.), радикально изменить ее (подобно «второму» и «третьему рейху» в Германии, послевоенным ФРГ и ГДР, сегодняшней объединенной Германии), наконец, самобытные народы могут приобрести идентичность, как это сделали, в частности, республики бывшего СССР, ставшие – большинство из них впервые в современной истории – независимыми государствами.

Во второй половине 1940-х годов безусловное лидерство США признали не только малые страны Европы (Нидерланды, Португалия, Бельгия), но и традиционные великие державы Великобритания и Франция. Всем им, и малым, и великим, пришлось отказаться от вековых традиций, самостоятельности в принятии решений в вопросах войны и мира, от ряда важнейших интересов (например, от сохранения колониальных владений). В случае Западной Германии потребовался отказ нации и ее элиты от самостоятельных (по отношению к новым союзникам) международных интересов вообще. В случае Японии стало необходимым принятие конституции страны из рук американских оккупационных властей. И ФРГ, и Япония отказались от права вести войну или иметь самостоятельные (не интегрированные в систему американских союзов) вооруженные силы. Вооружение бундесвера и японских Сил самообороны было жестко ограничено. В случае стран южной Европы (Португалии, Греции, Испании, Турции) важнейшим условием интеграции стала постепенная глубокая демократизация их политических систем. Страны, вступавшие в ЕС, отказывались от значительной части своего суверенитета начиная с экономической сферы, а впоследствии и в других областях, в пользу наднациональных органов. Тем не менее даже в условиях интеграции каждая страна НАТО и ЕС сохранила свое лицо. Национальная идентичность сохраняется даже тогда, когда параллельно ей возникает и усиливается наднациональная (европейская).

Под этим углом зрения *пример* России конца XX – начала XXI в. представляет теоретический и практический интерес. Столетием раньше Россия достигла высокой степени интеграции с остальной Европой. Не только российские верхи, но и бурно развивавшееся третье сословие ощущали себя и воспринимались в окружающем мире как вполне европейские. За пределами *Европы* (т. е. современной цивилизации) оставалась огромная крестьянская масса, но и в ней происходило быстрое расслоение, открывавшее путь к формированию фермерства⁴⁵. Возможно, Российской империи не хватило как раз тех двадцати лет спокойного развития, о необходимости которых говорил Петр Столыпин⁴⁶, чтобы стать *вполне* европейской, современной страной. Вместо этого после прихода к власти большевиков начался процесс разрыва естественных связей с остальной Европой, с Западом – процесс *закрытия* России. Он шел как внутри страны – через установление тоталитарного режима, так и по ее периметру – через закрытие границ и сведение к минимуму любых контактов с «враждебным окружением».

Россия вынуждена была заплатить огромную цену за коммунистический эксперимент – прежде всего десятками миллионов жизней своих граждан. Распад Советского

Союза, означавший не только «уход» окраин от Москвы (или «выход» Москвы из окраин), укладывавшийся в логику «деколонизации», но и расщепление «восточно-славянского ядра» традиционного российского государства, стал несомненной катастрофой⁴⁷. Еще большей катастрофой, притом не только геополитической, стали Октябрьская революция 1917 г., последовавшая за ней Гражданская война и массовые репрессии, продолжавшиеся несколько десятилетий. Советский Союз, однако, не потерпел военного поражения. Коммунистическая система в СССР рухнула под тяжестью собственного веса, а попытки внутренних реформ ускорили ее крах, смягчив при этом его последствия.

Российская Федерация во многом относится к той же категории стран, что и новые или будущие члены НАТО и ЕС. В нынешнем составе евроатлантических институтов есть не только бывшие социалистические страны, но и бывшие республики СССР; не только славянские, но и православные государства, во главе ряда центрально- и восточноевропейских стран – союзниц США долгое время стояли или даже продолжают стоять бывшие видные члены местных компартий, наконец, численность русских меньшинств на «новом Западе» превышает 1 млн человек. Пропась в уровне благосостояния между жителями Петербурга и Финляндии, конечно, огромна, но разрыв в подушевых доходах между Калининградом и Клайпедой гораздо меньше, а между Краснодарским краем и румынской Констанцей практически отсутствует. Конечно, Россия простирается далеко за географические пределы Европы, но европейский характер зауральской, «азиатской» России не вызывает сомнений. Восточная Россия – это продолжение Восточной Европы, но никак не Восточной Азии⁴⁸.

В этом смысле интересно и показательно сравнение России с Турцией, которая настойчиво добивается вступления в Европейский союз и в долгосрочной перспективе имеет шансы осуществить свои планы. Президент Путин, по просочившейся информации, с упреком спрашивал канцлера ФРГ Шрёдера, почему Европа готова вести переговоры о принятии в свой состав мусульманской Турции, 97 % территории которой расположено в Азии, но не приглашает в Союз очевидно европейскую Россию⁴⁹. Обычно европейские политики говорят, что Россия «слишком велика» для Европы. Значение имеют не столько величина, сколько диспропорции. По размерам территории уменьшившаяся Россия больше расширившегося ЕС в четыре раза. По численности населения Россия все еще превосходит ведущую страну ЕС Германию на 75 %. В то же время российский ВВП составляет (в долларовом эквиваленте) чуть более 1,5 % мирового и менее 10 % среднего ВВП по странам ЕС. Российский же ВВП на душу населения, по самым оптимистичным данным, в три раза (в несколько раз) меньше среднеевропейского. Последние две цифры неточны и приблизительны, так как рассчитаны исходя из очень отличающихся друг от друга данных из разных источников. Таким образом, в гипотетическом случае членства в ЕС сравнительно отсталая и бедная, но сохранившая менталитет великой державы Россия располагала бы наибольшей квотой голосов в Европейском парламенте и значительным представительством в исполнительных органах ЕС.

В какой-то степени аналогичные опасения присутствуют и в отношении Турции. Главным отличием России от Турции, однако, является позиция элит двух стран. Турецкая давно сделала выбор в пользу Европы и последовательно движется в этом направлении. Для Турции модернизация означает европеизацию. Иная ситуация в России. Политическая идентичность страны определяется прежде всего характером власти. Авторитарная, безраздельная и бесконтрольная власть является основой того, что российские исследователи Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов назвали «русской системой». В этом смысле Россия принципиально отличается от стран, вступивших в 2004 г. в ЕС и НАТО, и, наоборот, близка к таким государствам СНГ, как Белоруссия, Казахстан и даже Узбекистан. Сохранение у большинства рос-

сийского общества (а не только у правящего слоя) традиционных представлений о характере и функциях власти в России является наиболее серьезным препятствием на пути не только политической, но и экономической и социальной модернизации. Для того чтобы Россия возродилась, абсолютно необходима смена властной модели.

Другой важнейший фактор – это многовековое начиная с середины XVI в. существование России в качестве «державы». Этот термин точнее, чем «империя», передает характер российской власти и Российского государства. В отличие от морских империй Англии, Франции, Голландии и др., но подобно османской Турции Россия практически интегрировала присоединяемые области в то, что иногда называют «Большой Россией». Советский Союз предпринял попытку решения национального вопроса через всестороннюю интеграцию окраинных республик с историческим ядром государства и формирование на этой основе «новой исторической общности – советского народа». На международной арене СССР осуществлял политику «социалистической интеграции» союзников и являлся центром притяжения стран социалистической ориентации. ЦК КПСС через свой Международный отдел (преемник Коминтерна) направлял деятельность коммунистических и левосоциалистических партий, национальных движений в большинстве стран мира. Стремление российских элит – прямых наследников советских – играть самостоятельную международную роль в европейском, «евроазиатском» (СНГ), а в перспективе и глобальном масштабе вытекает из исторического опыта и вынесенного из него представления о роли России.

Проблема имперского наследия сохраняется и в отношениях с новыми государствами, возникшими на месте бывших республик СССР, и в национально-регионально-религиозной проблематике, существующей в пределах самой Российской Федерации, прежде всего на Северном Кавказе. Трансформация имперского государства и имперской общности в национальное государство потребует и значительного времени, и многих усилий.

Идентичность страны не есть что-то неизменное, данное раз и навсегда. Только в XX в. Россия испытала две резкие смены идентичности (1917 и 1991 гг.) и несколько важных корректировок (середина 1920-х, середина 1940-х, конец 1980-х). «У России, – писал историк Юрий Афанасьев, – было два реализованных ею выбора: самодержавие и социализм; были два грандиозных сооружения на их основе, и оба рухнули»⁵⁰. Российские либералы утверждают, что фактически с конца XX в. Россия стоит перед выбором – либо в Византию, либо в Европу. «Казалось бы, – рассуждает Ю. Афанасьев, – какие могут быть сомнения на сей счет? Какая может быть еще национальная идея реальнее и яснее, чем путь в Европу?»⁵¹. Но российская власть, даже выбрав капитализм, не хочет и не может отказаться от самодержавности, а общество дезориентировано, не организовано, плохо знает, чего хочет. Отсюда – характерная амбивалентность элитного и общественного мнения, межеумочность российской внешней политики, оставляющая Россию в «подвешенном состоянии».

В начале 2000-х годов революционный период сменился авторитарной стабилизацией и поиском формулы экономического развития, направляемого государством. Президент Путин с особым упором подчеркивает *независимость* России в международных делах⁵². Идеологи Кремля (заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков и др.) говорят о суверенной демократии⁵³. Независимость в глобализованном мире – понятие относительное, но автономный статус и самостоятельная политическая (хотя при этом периферийная и ограниченная) роль России в середине 2000-х годов – это факт. Тем не менее одного «провозглашения независимости» недостаточно для определения места и роли страны в мире. В 1990-е годы заявления о том, что Россия «обречена быть великой державой», звучали как заклинания. Между тем поиск Россией ее постсоветской идентичности на международной арене продолжается. В этом поиске решающую роль играет позиционирование России по отношению к США и Европейскому союзу.

Одна из серьезнейших проблем российских либеральных реформаторов состоит в их неспособности привлечь на свою сторону такой мощнейший фактор, как российский патриотизм. Взгляд либералов сосредоточен на странах, где их идеалы реализованы и которые они видят в качестве моделей для собственной страны. Начиная с Чаадаева либеральный взгляд на отечественную историю, как правило, категоричен в выводах: история России – это предостережение другим народам. Рассуждая таким образом, либералы не только подрывали свои позиции, но и усиливали позиции оппонентов. Не только консерватизм, но и обскурантизм получали возможность неограниченно использовать бренд «Россия» и, сверх того, обвинять либералов в космополитизме или даже в сотрудничестве с внешними силами в ущерб отечеству. Между тем западничество – не только составная, но и наиболее прогрессивная часть российской внутри- и внешнеполитической традиции.

Со времен Петра I Россия не только являлась составной частью европейской системы в качестве одной из великих держав, но и периодически совершала «модернизационные рывки», опираясь на опыт Западной Европы. В XVIII–XIX вв. Россия была не только непрерывным участником системы баланса сил на континенте, предполагавшей постоянные многосторонние коалиции в многочисленных войнах. Ее элита, сознательно ориентируясь на французские, немецкие, английские образцы, направляла развитие страны по западному пути. После разгрома Наполеона император Александр I играл выдающуюся роль на Венском конгрессе (1814–1815 гг.); Россия стала вдохновителем и одним из основателей Священного союза – первой постоянной организации управления международными процессами. Вплоть до Крымской войны (1853–1856 гг.) русский император был практически единоличным гарантом стабильности и легитимного порядка в Центральной и Восточной Европе. Во второй половине XIX в. Россия вновь была участницей многосторонних дипломатических комбинаций с участием держав Центральной и Западной Европы, пока, наконец, в начале XX в. она не связала свою судьбу с *прото-Западом* – англо-французской Антантой. В то же время, указывает профессор Александр Янов, Россия периодически «выпадала из Европы». «Прорывы», сближавшие страну с Европой, сменялись (во времена Николая I, Александра III, Сталина) периодами «выпадения» из Европы⁵⁴.

Действительно, коалиция между самодержавной Россией и либеральными государствами Запада основывалась на геополитических и экономических расчетах, а не на общих ценностях. Когда Александр III, принимая в Петербурге президента Франции в 1891 г., стоя слушал «Марсельезу», он не проникался не только республиканским, но и конституционалистским духом. Российские либералы – часто англо- и франкофилы – хотя и занимали высокие должности, были в явном меньшинстве при царском дворе, а впоследствии в Государственной думе. У правящих классов России начала XX в. было гораздо больше общих ценностей с прусскими юнкерами, чем с английскими «лавочниками». Тем не менее в это же время в России быстрыми темпами развивался капитализм, а геополитика, стратегия и экономика диктовали Петербургу союзы с демократиями против родственных авторитарных режимов.

Такие «противоестественные» союзы не могли быть легким делом. Уже Первая мировая война продемонстрировала довольно высокую степень фонового недоверия между Россией и ее западными союзниками. Об этом красноречиво свидетельствуют мемуары французского посла в Петрограде Мориса Палеолога и русского министра иностранных дел Сергея Сазонова⁵⁵. Тем не менее, несмотря на колоссальную тяжесть войны, ее многочисленные жертвы и отсутствие в ней ясных и понятных российскому населению целей, царское, а затем временное правительство оставались верными союзническому долгу. В конце концов война настолько обострила внутренние противоречия в стране, что в ней произошла большевистская революция. Советское правительство вывело Россию из войны, заключило сепаратный мир с Германией, но при этом действовало вне- и антисистемно, рассматривая

Россию не столько как государство с определенными интересами, сколько как базу мировой пролетарской революции.

Россия превратилась из политического и военного союзника Запада в его фактического противника, из потенциального победителя в страну, разделившую судьбу побежденных. Запад же, по мнению многих русских эмигрантов, не оценил этой жертвенности и обошелся с ослабевшей Россией вполне прагматично, не оказав действенной помощи силам контрреволюции, признав независимость бывших окраин Российской империи и дополнив большевистскую самоизоляцию внешней изоляцией посредством санитарного кордона. Советская Россия, хоть и получила формальное признание Запада, оставалась вне рамок сообщества государств до середины 1930-х годов и затем опять с 1939 г. до нападения Германии на СССР.

Период, когда советская Россия была государством-изгоем, продолжался сравнительно недолго. Период непризнания Западом власти большевиков длился менее пяти лет – т. е. практически столько, сколько продолжалась Гражданская война, а у советского правительства сохранялись надежды на мировую революцию. Начиная с 1922–1924 гг. Советский Союз был постепенно подключен к мировому *сообществу* государств в форме восстановления дипломатических отношений. В то же время управляемый коммунистами СССР оставался за пределами *общества* «цивилизованных государств». Лишь в 1934 г. он был принят в Лигу Наций, что было прямой реакцией западных держав на решение Гитлера о выходе Германии из Лиги. Аналогичными соображениями руководствовалась и администрация Ф. Рузвельта в США, признавшая СССР в ноябре 1933 г. Уже в 1935 г. Франция и ее союзник Чехословакия заключили договоры о взаимопомощи с Москвой. Сближение на геополитической основе, однако, продолжалось недолго.

Глубокое недоверие правящих кругов Лондона и Парижа к коммунистическому режиму и к тоталитарной России как к таковой, а также аналогичный подход к «империалистам Англии и Франции» со стороны Кремля сделали невозможным создание действенной системы коллективной безопасности в Европе. Сталин не только рассматривал англо-французскую политику «умиротворения» Гитлера как объективно направленную против Советского Союза (в этой связи особенно интересна аналогия, которую провел Путин между современным Западом и тогдашними «мюнхенцами»⁵⁶), но и сам строил аналогичные расчеты. В то время как на Западе надеялись, что Гитлер повернет на восток, Сталин рассчитывал, что Германия прежде начнет войну на западном фронте. Как и западные руководители, Сталин предполагал, что Германия и ее противники измотают друг друга в затяжной войне.

Несмотря на взаимную неприязнь, как для Запада, так и для СССР гитлеровская Германия была наиболее опасным противником. Тем не менее преобладание тактического маневрирования над стратегическими ходами, неспособность договариваться вопреки убеждениям и готовность принимать желаемое за действительное привели к катастрофе. Западные демократии, ведомые слабыми и недальновидными лидерами, несут такую же ответственность за провал летних переговоров 1939 г., как и советский вождь, заключивший пакт с Гитлером. Сталина подвело его «кастовое чутье», почти родственные чувства, которые он питал к соседнему тоталитарному режиму, и, с другой стороны, явное презрение по отношению к либеральной демократии.

Важно отметить, что после Первой мировой войны и революции как «красные», так и многие «белые» русские пришли к сходным выводам о роли и месте России в мире.

Первые (кремлевские вожди) приступили к строительству «социализма в одной, отдельно взятой стране», вторые (Петр Савицкий, Николай Трубецкой и их товарищи в пражском изгнании) разработали теорию «евразийства». И те и другие, хотя и по совершенно разным причинам, отвергали «неверный» Запад и противопоставляли ему «отдельно стоящую» Россию. Но география и экономические потребности страны продолжали толкать ее руко-

водство к действиям наперекор собственным убеждениям. Это вновь в полной мере проявилось в 1939–1941 гг.

У сталинского режима было гораздо больше общего с гитлеровским тоталитаризмом, чем с парламентскими демократиями Западной Европы или с США. Однако именно недолговечный союз с «родственным» диктатором привел к самой страшной катастрофе в отечественной истории, и именно Сталину пришлось лично – и в целом успешно – сотрудничать с лидерами ведущих демократических государств. Более того, Сталин не только «присутствовал при рождении» современного политического Запада, но, действуя прагматически, ассоциировал Советский Союз с ним. СССР присоединился к Атлантической хартии (1942 г.), подписал союзные договоры с Англией (1942 г.) и Францией (1944 г.), стал одним из основателей ООН и соавтором ее Устава (1945 г.). Перед *сталинским* СССР были открыты двери в Международный валютный фонд (МВФ) и Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), а также перспектива участия в плане Маршалла. Лишь отказ Сталина воспользоваться этими возможностями привел к тому, что СССР в середине 1940-х годов оказался исключенным из системы мировых торгово-экономических институтов.

Мог ли СССР интегрироваться в международное общество уже в 1945 г.? Опыт тесного военно-политическо-го (Большая тройка) и военно-экономического (ленд-лиз) сотрудничества с США и Великобританией в принципе говорил в пользу этого. Совет Безопасности ООН был построен как орган глобального управления на консенсусной паритетной основе между ведущими мировыми державами, в том числе СССР. Со своей стороны, Сталин официально отказался от идеи мировой революции, которой он никогда всерьез не сочувствовал, распустил «отработавший свое» Коминтерн, заменил «Интернационал» новым *государственным* гимном и восстановил – хотя бы и в крайне ограниченных и жестко контролируемых рамках – роль Русской православной церкви. Фактически Сталин реставрировал в России самодержавный строй, многократно усилив степень централизации и концентрации власти и сменив основу ее легитимности.

Что помешало Сталину принять правила игры, которые он лично вырабатывал вместе с Рузвельтом и Черчиллем? Политические трения с союзниками, неизбежные после победоносного окончания войны в условиях определения основ мирного порядка? Безусловно, это имело место в вопросе о будущем побежденной Германии, восстановленной Польши, по проблемам Ирана, Турции, Греции и Балкан. Сигнал, который Трумэн подал Сталину в Потсдаме в форме сообщения о создании в США «оружия колоссальной разрушительной силы», был интерпретирован последним как возобновление западного давления на СССР. Тем не менее, как представляется, главную роль в возврате к изоляционизму сыграл обоснованный страх Сталина перед последствиями «открытия СССР» внешнему миру для устойчивости того режима, который он создал. Сам факт выхода Красной армии за пределы государственных границ СССР, соприкосновение советских солдатских масс с европейской действительностью, контакты офицеров с иностранцами таили серьезную опасность для прочности режима⁵⁷. Вождь СССР, без сомнения, хорошо понимал это.

«Закручивание гаек» внутри страны началось уже в конце Великой Отечественной и стало первым предвестником «холодной войны». Разумеется, конкретные формы противостояния не были predeterminedены заранее, но создание функционирующей системы ООН на основе сотрудничества с западными державами потребовало бы от СССР отказа от основ тоталитарного политического режима, командной экономической системы и революционной по форме, но исключительно консервативной по сути идеологии, легитимировавшей беспредельную власть аппарата Коммунистической партии и ее вождя. Помимо всего этого Сталин, проецировавший опыт европейской истории первой половины XX в. на его вторую половину, скептически оценивал шансы на то, что Европе (и СССР) удастся избежать новой мировой войны⁵⁸.

В 1950-1970-е годы, в период правления Хрущева и Брежнева, сложилась парадигма мирного сосуществования «параллельных миров» – «мира социализма» во главе с СССР и «империализма» во главе с США. Сверхоптимистическая идея Хрущева о «соревновании систем», которое Советский Союз не был в состоянии выиграть, трансформировалась при его преемнике в формулу военно-стратегического паритета, который СССР, хотя и с большим трудом, мог какое-то время поддерживать. Советское руководство было настроено на длительное военно-политическое противостояние с потенциальным противником. Советская глобальная стратегия сочетала поддержание стратегического паритета, укрепление статус-кво на центральном фронте и маневры на флангах. Стратегия США, в свою очередь, включала военное и политическое сдерживание Советского Союза, пресечение его «фланговых маневров» в «третьем мире», оказание экономического и психологического давления на советское общество и союзников СССР.

В силу этих причин включенность СССР в международные экономические, политические, общественные связи была крайне ограниченной и односторонней. СССР – наряду с США – играл ведущую роль в мировой политике и в военной сфере, но из-за автаркического характера советской экономики был слабо интегрирован в мирохозяйственные связи. Политическая система требовала жесточайшей централизации и подробной регламентации всех контактов с внешним миром. Господствовавшая идеология постулировала, что «мирное сосуществование двух противоположных общественно-экономических систем является специфической формой классово-борьбы». Советская внутренняя и внешняя политика была прямой антитезой интеграции.

Вопрос об интеграции *вместе с Западом* в единое мировое сообщество впервые был поднят во второй половине 1980-х годов, когда начатая Михаилом Горбачевым Перестройка потребовала открытия страны для внешнего мира и в этой связи коренного пересмотра отношений с США и Западной Европой. Одновременно логика «нового политического мышления», как отмечал помощник Горбачева по международным делам Анатолий Черняев⁵⁹, требовала ускорения внутренних преобразований. Постепенно становилось ясно, что для коренного улучшения отношений с Западом Советский Союз должен был кардинально измениться сам. Договоренности в области контроля над вооружениями могли служить лишь целям регулирования враждебности. Более того, любые достижения в этой области, как показал опыт разрядки 1970-х годов, были непрочны без более широких договоренностей, разрушавших основу «холодной войны». Попытки Москвы практиковать одновременно и разрядку, и «классовую борьбу» были обречены на неудачу. Разрядка, по словам Збигнева Бжезинского, занимавшего в 1977–1981 гг. пост помощника президента США по национальной безопасности, была похоронена в африканских песках Огадена⁶⁰. В Москве, в свою очередь, в провале разрядки винили военно-промышленный комплекс США и «наиболее реакционные» круги «американского империализма».

В своем стремлении оживить советскую систему М. Горбачев сознательно проигнорировал «красные линии», завещанные предшественниками. Внутри страны был взят курс на формирование власти с помощью инструмента выборов, а во внешней политике произошел отказ от идеи классово-борьбы, место которой заняли тезисы о примате общечеловеческих ценностей и о свободе выбора. В этой связи вехами можно считать выступления М. Горбачева и Э. Шеварднадзе в МИД СССР в июле 1988 г. и речь Горбачева в ООН в декабре 1988 г. В результате в течение 1987–1988 гг. процесс разрядки между СССР и Западом перешел точку возврата к *status quo ante*. По наблюдениям посла США в Москве в 1987–1991 гг. Джека Мэтлока, уже с декабря 1987 г. Горбачев не рассматривал Америку как враждебную или потенциально враждебную силу⁶¹.

Сразу после распада СССР новое руководство России во главе с Б. Ельциным предприняло попытку интегрировать Российскую Федерацию в западные институты в качестве «великой демократической державы» с особым статусом. К концу 1990-х годов стало ясно, что эта задача на данном этапе практически невыполнима. Вопрос о характере отношений России и Запада, однако, не был снят после этого с повестки дня. Напротив, он остается актуальным для XXI в. так же, как для конца XX, но условия его решения существенно усложнились. Глобализация носит сложный и противоречивый характер. Ее «опорные точки» составляют своего рода мировой архипелаг, внутренне связанный многочисленными нитями контактов, но окруженный при этом локальными морями и совсем местными проливами. Воздействие глобализационных импульсов на ту или иную страну, в том числе на Россию, является сугубо избирательным, и в результате возникает конгломерат новаций и архаики, которые образуют отдельные анклав⁶². Эта картина адекватно описывает ситуацию не только в России или в Азии, но отчасти и в зрелых западных странах – например, в США. Понятие архаики при этом, разумеется, сильно варьируется.

Институциональная интеграция представляет собой двусторонний процесс. Наряду с вопросом о том, хочет ли Россия интегрироваться, встает другой: насколько в интеграции России заинтересованы ведущие страны нынешнего Запада, прежде всего США и Европа? Теперь, когда Россия, как многие считают, «сошла с дистанции», перестала быть соперником США⁶³, нужно ли ее включать в Атлантическую систему, возглавляемую Америкой (конкретно в НАТО⁶⁴), и можно ли это сделать? Приглашение в ЕС Турции и, возможно, Украины снижает порог для эвентуального российского членства в Союзе? На каких условиях лидеры Запада готовы были бы допустить Россию в свое общество? Какие критерии были бы при этом применимы? На какие отступления от общих критериев могла бы Россия рассчитывать? Или же, развернув аргументы о «российской специфике» в противоположном направлении, можно ли ожидать, что России будут предъявлены требования повышенной жесткости?

Политика США в вопросе о целесообразности и возможности институциональной интеграции России колебалась от сдержанности Джорджа Буша-старшего до энтузиазма Билла Клинтона и прагматической практики антитеррористической коалиции Буша-младшего. В принципе, с точки зрения администрации США, Россия может стать «союзником нового типа» в противостоянии международному терроризму, распространению ОМУ и региональной нестабильности. Но и это союзничество, вопреки ожиданиям российского руководства, не закрывает вопроса о характере политического режима и экономической системы в России.

Европейский союз, провозгласивший своей целью воссоединение Европы, не определил пределов своего расширения. Выдвигая концепции «широкой Европы», «нового соседства», «общих пространств», большинство лидеров ЕС исходит из того, что Россия может стать партнером объединенной Европы, возможно, даже «стратегическим» или «привилегированным», но не ее частью.

В обозримой перспективе мир не станет сплошным Западом. Глобализация не приводит и не приведет к сплошной вестернизации. Какой-либо «экспансионистский зуд» и у НАТО, и у ЕС отсутствует. США, разумеется, также закрыты к приему в свой состав новых штатов. Клинтонские усилия в отношении России в 1990-е годы были на два порядка слабее, чем у Трумэна в 1940-1950-е годы в отношении Германии, Западной Европы в целом и Японии. Напротив, усилия администрации Дж. Буша-младшего на направлении демократизации нацелены не на то, чтобы сделать Большой Ближний Восток частью Запада, а на то, чтобы повысить общую управляемость мировой системы, возглавляемой США.

Цель России в первой половине XXI в. не только в том, чтобы войти в клуб государств, принимающих решения глобального значения⁶⁵, или закрепиться у внутренней оболочки «первого кольца системы» (т. е. международного общества) и, пытаясь пробиться ближе к центру, сопротивляться перемещению в кольцо внешнее (мировое сообщество)⁶⁶. Национальным интересам России, в отличие от ее сегодняшней правящей элиты, соответствует качественная внутренняя трансформация политической системы, «застрявшей» где-то в 1913 г., в направлении ее дальнейшей либерализации на основе принципов конституционализма, верховенства права, защиты частной собственности. Укрепление в российском обществе принципов свободы и ответственности приведет к углублению экономических и социальных процессов и, соответственно, к повышению степени международной интегрированности России.

Заключение

НАЧИНАЯ С 1990-Х ГОДОВ Россия уже не «вещь в себе», не «центр полумира», а составная часть глобального сообщества. Зависимость России от внешнего мира во многих областях очевидна. Более того, она нарастает. Задача современной российской политики – оптимально структурировать эти интегративные связи, с тем чтобы они в наибольшей степени отвечали потребностям развития страны. Такая оптимизация неизбежно требует глубокой трансформации основных сфер внутренней российской действительности. Интеграция во внешний мир, таким образом, тесно связана с модернизацией страны.

В самом общем плане цели политики интеграции можно сформулировать следующим образом.

В области безопасности:

- устойчивая демилитаризация отношений с другими государствами, прежде всего с крупными державами;
- участие в системе кооперативной безопасности на региональном и глобальном уровнях;
- участие в структурированных международных усилиях по борьбе с терроризмом, предотвращению неконтролируемого распространения оружия массового уничтожения, предупреждению и урегулированию конфликтов, противодействию новым угрозам и вызовам международной безопасности.

В области экономики:

- равноправное участие в мировой торговле и мирохозяйственных связях;
- режим свободной торговли с ведущими экономическими центрами современного мира;
- экономический союз со странами, чья экономика наиболее тесно связана с российской.

В области международной политики:

- участие в принятии решений по важнейшим глобальным и региональным проблемам;
- доверительный характер отношений с ведущими государствами, их объединениями, военно-политическими союзами;
- добрососедские отношения с сопредельными странами.

В гуманитарной области:

- общность основных ценностей современного общества, активное участие в формировании международного общественного мнения;
- беспрепятственный и широкий международный обмен людьми, идеями и т. п.;
- недискриминационное отношение к гражданам России за рубежом.

Эти цели не могут не привлекать. При этом, однако, не только российские либералы, но и все российские патриоты должны уяснить, что для того, чтобы стать современной успешной страной в глобальном мире, частью международного общества, Россия должна будет поделиться частью своего суверенитета во всех перечисленных сферах с международными институтами. «Полный» суверенитет страны и ее высокий статус в мире перестали к началу XXI столетия выступать в единой связке.

Примечания

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1961.

² *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. – С. 35–46.

³ После приема в состав ЕС Болгарии и Румынии.

⁴ Турция, член НАТО с 1952 г., впервые заявила о стремлении присоединиться к Европейскому экономическому сообществу в 1959 г. (т. е. спустя два года после создания ЕЭС). Официальная заявка Анкары последовала в 1963 г. Рассмотрение этой заявки неоднократно откладывалось из-за периодически происходивших в Турции военных переворотов. Интенсивная фаза турецко-европейских отношений началась в 1986 г. Почти двадцать лет спустя, в 2005 г., начались официальные переговоры о вступлении Турции в Европейский союз.

В случае их успеха Турция сможет, вероятно, присоединиться к ЕС к 2020 г. – через шесть десятилетий после своего первого заявления о намерении сделать это.

⁵ В известной программной статье «Россия на пороге третьего тысячелетия» (Независимая газ. – 1999. – 30 дек.) тогдашний премьер В. Путин выдвинул цель достичь к 2015 г. подушевого уровня ВВП Португалии 2000 г.

⁶ *Schleifz A., Treisman D.* A Normal Country // Foreign Affairs. – 2004. – May – June. Рус. пер.: *Шлейффер А., Трейсман Д.* Обычная страна. – М., 2004. – (Раб. материалы / Моск. Центр Карнеги; Вып. 7).

⁷ С начала XIX в. по начало XXI в. российский ВВП на душу населения фактически совпадал со среднемировым. См.: *Гайдар Е.* Указ. соч. – С. 38.

⁸ См., например, статьи Вячеслава Никонова в «Российской газете» в декабре 2004 г.

⁹ *Шевцова Л.* Откат, или Как Владимир Путин начинает второе президентство. – М., 2005. – (Брифинг / Моск. Центр Карнеги; Вып. 1).

¹⁰ Этот аргумент развит в моей книге: *Trenin D.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. – Washington, D.C., 2002. —P. 301–305.

¹¹ *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – New York: Columbia Univ. Press, 1977.

¹² 191 государство по состоянию на 2005 г.

¹³ Несмотря на то что дипломатические отношения между Москвой и Берлином были установлены в 1918 г. и восстановлены в 1922 г., а в 1924 г. Рим признал Москву раньше Лондона, решающее значение имел сигнал со стороны лидера. Аналогично широкое международное признание КНР последовало после того, как США в 1971 г. согласились с передачей места Китая в ООН от Тайбэя Пекину.

¹⁴ Еще в 1950 г. КНР была признана Скандинавскими странами, Швейцарией, а также Индией, в 1964 г. – Францией, в начале 1970-х годов – странами Западной Европы и Канадой и была принята в ООН; дипломатические отношения с США были установлены в 1979 г.

¹⁵ Нечто подобное произошло и с военно-стратегическим паритетом. Согласие США на ведение переговоров с СССР по стратегическим вооружениям и подписание соответствующих соглашений в 1972 г. рассматривалось советским руководством как признание равенства статуса со стороны США.

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Квицинский Ю. А.* Время и случай: Заметки профессионала. – М.: ОЛМА-пресс, 1999.

¹⁷ Но не Туркменбаши в Туркмении, Ислама Каримова в Узбекистане и др.: интересы ведущих государств имеют решающее значение в определении изгоев.

¹⁸ *The Washington Post*. – 2005. – Jan. 21.

¹⁹ *Mandelbaum M.* The Ideas That Changed the World: Peace, Democracy, and Free Markets in the Twenty-first Century. – New York: Public Affairs, 2002.

²⁰ Советская историческая энциклопедия. – Т. 7. – М.: Сов. энциклопедия, 1965. —С. 527.

²¹ *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present. – London: Pimlico, 2003. – С. 63–66.

²² *Russia's Engagement With the West: Transformation and Integration in the Twenty-First Century* / Ed. by A. J. Motyl, B. A. Ruble and L. Shevtsova. – Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2005. – P. 3.

²³ *The Military Balance 2004–2005* / IISS. – London: Oxford Univ. Press, 2004.

²⁴ Поскольку под Западом в этой книге понимается определенный целостный набор либеральных и демократических институтов, говорить о Западе как о международном феномене до середины XIX столетия не имеет смысла. Тогдашний Запад охватывал Великобританию, Нидерланды, Швейцарию, северные штаты США, которые не были объединены какими-либо прочными связями.

²⁵ См., например: *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. – [S. 1.]: Oxford Univ. Press, 2001.

²⁶ *Huntington S. P.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. – New York: Simon and Schuster, 2004. – P. 48–49, 57.

²⁷ Вплоть до создания военной организации НАТО в начале 1950-х годов в СССР было принято говорить об «англо-американском империализме» как о силе, представлявшей «поджигателей войны» и противостоявшей «прогрессивным силам во главе с СССР».

²⁸ Общее население Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии в 1945 г. согласно Большой советской энциклопедии (2-е изд.).

²⁹ *Churchill W. S.* A History of the English-Speaking Peoples. – Vol. 1–4. – London: Cassell, 1956.

³⁰ *Huntington S. P.* Op. cit. – P. 38.

³¹ В состав Запада были включены восстановленная после аншлюса Австрия и бывший германский сателлит Финляндия. Обе страны стали формально нейтральными буферами Запада в новой «холодной войне» против СССР.

³² СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии) существовало с 1954 по 1977 гг., в его состав входили США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан (до 1973 г.). СЕНТО (Организация Центрального договора) было основано как Багдадский пакт в 1955 г. В его состав входили Турция, Ирак (до 1958 г.), Иран, Пакистан, Великобритания. США оказывали СЕНТО поддержку, опирались на него в своей политике на Среднем Востоке. СЕНТО прекратило свое существование в 1979 г.

³³ В сущности воссоединение Германии однозначно поддерживали сама ФРГ и США. Лидеры Франции и Великобритании относились к планам канцлера Г. Коля с большим подозрением. «Платой» Германии за их согласие не мешать воссоединению стало серьезное углубление европейской интеграции – преобразование ЕЭС в Европейский союз и введение общеевропейской валюты – евро.

³⁴ Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. – Washington: Government Printing Office, Dec. 2004. – P. 10.

³⁵ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – [S. 1.]: Simon and Schuster, 1992; Mandelbaum M. Op. cit.; Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. – New York; London: W. W. Norton and Co., 2004.

³⁶ Характерен в этой связи происшедший в 2003–2004 гг. спор о том, следует ли указывать в Конституции Европейского союза, что Европа основывается на христианских ценностях. Фактически речь шла о том, должен ли ЕС оставаться «христианским клубом» или же он может расшириться за пределы европейского культурного ареала. Практически этот спор имел отношение к перспективе приема в ЕС Турции, но даже вне зависимости от решения этого вопроса Европа столкнулась с проблемой интеграции 15–20 млн мусульман, постоянно проживающих в странах Евросоюза.

³⁷ Символично, что в речи на Красной площади в день 60-летия Победы в Великой Отечественной войне президент Путин заявил, что между Россией и Германией достигнуто историческое примирение (<http://www.president.kremlin.ru>).

³⁸ См.: Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. – М.: М-во обороны РФ, 2003 (<http://www.mil.ru>).

³⁹ См. телеобращение президента В. Путина 4 сентября 2004 г.

⁴⁰ Правда, некоторые небольшие страны – например, Молдавия – оказываются способны сформировать сравнительно демократическую политическую систему, несмотря на низкий уровень экономического и социального развития.

⁴¹ Grabbe H. The Constellations of Europe: How enlargement will transform the EU. – London: Centre for European Reform, 2004.

⁴² Международный терроризм имеет давнюю историю. В прошлом к «террору без границ» были причастны организации, возникавшие в целом ряде стран Европы, Азии, Африки и Америки. Современное издание международного терроризма отличается от предыдущих прежде всего масштабами, религиозной составляющей и величиной реального и потенциального ущерба. Вызов брошен непосредственно Соединенным Штатам – центральной стране современной международной системы.

⁴³ Например, депутатом парламента Франции Пьером Лелюшем и главным редактором журнала «Свободная мысль» Владиславом Иноземцевым.

⁴⁴ Предложения на этот счет содержались еще в статье Иво Даалдера и Джеймса Линдсея в «Washington Post» (2004. – May 23). В начале 2005 г. эти темы доминировали в интервью президента Буша (Washington Post. – 2005. – Jan. 15) и выступлении государственного секретаря Кондолизы Райс на слушаниях в Сенате Конгресса США (Washington Post. – 2005. – Jan. 19).

⁴⁵ Посол Франции в Петрограде Морис Палеолог писал, что «...высший круг один или два раза в год слетался в Париже, Лондоне, Биаррице, Каннах, Риме, Вене, Баден-Бадене, Карлсбаде. Более скромные круги – интеллигенция, адвокаты, профессора, ученые, доктора, артисты, инженеры – ездили учиться, лечиться и для отдыха в Германию, Швейцарию, Швецию, Норвегию... Привозили не только новые вещи, но и новые идеи, некоторую практичность, более трезвое и более рациональное отношение к жизни» (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – Пг.: Гос. изд-во, 1923. – С. 139). Новые «верхи» достигли уровня своих предшественников сравнительно быстро в течение 1990-х годов, «более скромным кругам» идти к этому положению придется гораздо дольше.

⁴⁶ *Столыпин А. П. А. Столыпин. 1862–1911.* – Париж, [б. г.]. – С. 19. Репринт, изд.: М.: Планета, 1991.

⁴⁷ И в этом смысле прав президент Путин, в 2005 г. в послании Федеральному собранию назвавший распад СССР «величайшей геополитической катастрофой». Путин так же прав, когда в статье, опубликованной накануне своего прихода в Кремль, говорил о Советском Союзе как о «нежизнеспособном образовании».

⁴⁸ Любопытно, что государственный секретарь США Генри Киссинджер, сопровождавший президента Джеральда Форда на встречу с Леонидом Брежневым во Владивостоке и отправившийся сразу после этого в Пекин, рассказывал китайским собеседникам, как мало азиатского он увидел по ту сторону китайской границы. Китайцы слушали рассказ Киссинджера с явным неудовольствием. *Kissinger H. Years of Renewal.* – New York: Simon & Schuster; 1999. – P. 869–870.

⁴⁹ В конце 2004 – начале 2005 г. в ходе обмена визитами на высшем уровне с Турцией президент Путин однозначно высказался в поддержку стремления Анкары вступить в Евросоюз.

⁵⁰ *Афанасьев Ю. Опасная Россия.* – М., 2001. – С. 31.

⁵¹ Там же. – С. 37.

⁵² См., например, послание президента В. Путина Федеральному собранию от 26 мая 2004 г.

⁵³ *Сурков В. С заботой о суверенитете* // <http://lenta.ru/docs/2005/07/12/surkov>.

⁵⁴ *Янов А. Л. Патриотизм и национализм в России: 1825–1921.* – М.: Академкнига, 2002.

⁵⁵ *Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Репринтное воспроизведение издания 1923 г.* – М.: Политиздат, 1991; *Сазонов С. Д. Воспоминания.* – М.: Международ. отношения, 1991 (воспр. репринт, изд. 1927 г.).

⁵⁶ См. выступление В. Путина перед представителями средств массовой информации, сентябрь 2004 г.

⁵⁷ Еще в 1939 г., когда первые советские части вступили на территорию Балтийских государств, бойцы и командиры были поражены высоким уровнем жизни населения недавних провинций Российской империи. Некоторые красноармейцы дезертировали. См.: *Млечин Л. МИД. Министры иностранных дел: Тайная дипломатия Кремля.* – М.: Центрполиграф, 2003. Об этом же пишет и один из наиболее видных военных консерваторов генерал-полковник Леонид Ивашов: «Широкое знакомство голодных, страдающих от репрессий советских людей со свободными и сытыми США и Англией могло серьезно дестабилизировать обстановку в стране... В свете этого представляется вполне объяснимым стремление советского руководства сохранить существующий политический строй и обеспечить безопасность своей страны» (*Ивашов Л. Г. Россия или Московия?* – М., 2002. – С. 166). Под безопасностью Ивашов имеет в виду прежде всего сохранение полученной в результате войны сферы влияния (Там же. – С. 167).

⁵⁸ *Сталин И. В. Выступление на XIX съезде КПСС.* – М., 1952.

⁵⁹ *Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым.* – М., 1993. – С. 142.

⁶⁰ В конфликте между Эфиопией и Сомали из-за пустынной области Огаден в 1977–1978 гг. Советский Союз поддержал Эфиопию, которая, со своей стороны, провозгласила себя социалистической страной и приняла марксистско-ленинскую идеологию. СССР послал в Эфиопию военных советников и специалистов, а Куба – боевые части. Запад, со своей стороны, оказал политическую и материальную поддержку Сомали.

⁶¹ *Matlock J.* Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union: 1st edition. – [S. 1.]: Random House, 1995. —P. 152.

⁶² *Богатуров А. Д.* Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 4. – Осень. – С. 38–39.

⁶³ *Brzezinski Z.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. – New York: Basic Books, 2004. – P. X.

⁶⁴ *Haass R. N.* The Opportunity: America's moment to Alter History's Course. – New York: Public Affairs, 2005. – P. 155.

⁶⁵ См. доклады Совета по внешней и оборонной политике 1992–2004 гг., а также: *Богатуров А. Д.* Кризис миро системно го регулирования // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2 т. – Т. 1 / Сост. Т. И. Шаклеина. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. – С. 53.

⁶⁶ *Богатуров А. Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // Там же. – С. 86.

Глава вторая

НАПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТУС СТРАНЫ

КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОПЫТ всех успешных стран, главное условие международной интеграции – это внутренняя трансформация. Германия и Япония, Южная Корея и Греция, Эстония и Словения стали частью международного общества не потому, что привели свою внешнюю политику в соответствие с американской, а потому, что в их внутренней структуре произошли коренные трансформационные изменения. Напротив, есть немало примеров, когда страны, чьи правительства ориентировались во внешней политике на Вашингтон, так и не сумели приступить к внутренним преобразованиям. Более того, в годы «холодной войны» проамериканский курс диктаторских режимов (Никарагуа и Гаити, Заира и Индонезии) становился прикрытием для экономического регресса, безудержной коррупции и политических репрессий. В тот период так называемый свободный (от коммунизма и советского влияния) мир был в гораздо большей степени проамериканским, чем демократическим. Главным направлением российской внутренней трансформации 1980-1990-х годов стал отказ от «особого пути» в общественной жизни и возвращение в «мировую цивилизацию». Это – отправная точка для трансформационных преобразований. Но чтобы появилась возможность трансформации, советский строй должен был либо рухнуть, либо «размягчиться», переродиться изнутри.

Советский Союз с самого начала строился как альтернатива «мировому капитализму», т. е. Западу. На рубеже 1990-х годов эта альтернативность была снята, российское руководство провозгласило курс на строительство демократического государства, рыночной экономики, гражданского общества. На международной политической арене Россия официально стала партнером США и Европы. Тем не менее спустя 15 лет после распада СССР многие российские и зарубежные наблюдатели утверждают, что Россия «застряла между прошлым и будущим» – между диктатурой и демократией¹, бюрократически «схваченным» и свободным рынком, цензурой и самоцензурой подконтрольных государству средств массовой информации и свободой слова независимых СМИ. Часто делают вывод, что в России с наступлением XXI в. произошел откат назад и страна движется в неверном направлении².

Так ли это на самом деле? Что происходит в сфере политики, экономики, общественных отношений? Как оценить идущие в них существенные, часто противоречивые, но внешне разнонаправленные изменения? Что происходит с системами ценностей правящей элиты и общества, как эволюционируют внешнеполитическая философия элиты и общественное мнение по отношению к внешнему миру? Приближается ли в результате этих изменений современная Россия к Западу? Или, наоборот, «по-новому» отдалается от него? Каковы перспективы на ближайшие 10–15 лет?³

Демократизация политической системы

ДЕМОКРАТИЯ СТАЛА ЗНАМЕНЕМ и главным содержанием российских перемен конца XX в. Как предсказывали Джордж Кеннан, Николай Бердяев, Иван Ильин, советский коммунистический строй был свергнут не в результате внешнего давления. Такому режиму, располагавшему огромным ядерным и в буквальном смысле слова несметным обычным военным арсеналом, внешний враг был не страшен, а, наоборот, абсолютно необходим для обеспечения собственного политического выживания. Именно поэтому исчезновение внешнего врага создало резкое «падение давления» в системе, подрыв дисциплины подчиненных и деморализацию начальников, что довольно скоро привело режим к краху. В этом смысле известная фраза академика Георгия Арбатова о том, что мы (СССР) сделаем с вами (США) нечто страшное – лишим вас врага⁴, оказалась пророческой в том смысле, что исчезновение врага привело к страшным последствиям. Ирония состояла в том, что руководство СССР, освободившись от образа врага в лице США, тем самым «расслабило» советскую систему настолько, что она перестала функционировать. Что касается Западного сообщества, то и внутренний строй входящих в него стран, и даже их основные международные институты (НАТО, ЕЭС/ЕС) не только «выжили», но и получили дальнейшее развитие. В отличие от «социалистического содружества» Запад не нуждался для своего существования в наличии советской угрозы.

Ряд экспертов, в том числе Алексей Арбатов, совершенно справедливо утверждают, что СССР сошел с исторической сцены не потому, что «надорвался» в ходе гонки вооружений с США, в частности, пытаясь дать ответ американским «планам звездных войн»⁵. Советская политическая, экономическая, общественная система была создана в ходе борьбы с классовым противником внутри страны и вне ее. Более того, эта система, прошедшая серьезную проверку в годы Великой Отечественной войны, была как раз предназначена для того, чтобы функционировать в ходе непрерывной борьбы с противником, где «мирные» фазы чередовались с военными периодами – вплоть до «полной победы коммунизма во всем мире». Главным преимуществом советской экономики считалась именно ее способность к мобилизации ресурсов для войны и во время войны («холодная война» с ее непрекращавшейся гонкой вооружений была экономическим эквивалентом вооруженного конфликта). Аналогичным образом формулировались критерии устойчивости политических институтов («руководящая и направляющая роль КПСС», «бойцы» которой находились в непрерывной «борьбе» на различных «фронтах»), общественной системы («нерушимое монолитное единство партии и народа»), межнациональных отношений («дружба и братство народов СССР», формирование «советского народа как новой исторической общности»).

До тех пор пока эта стройная, хотя и крайне затратная во всех отношениях система сохранялась, любой разговор об интеграции СССР в мировое сообщество был бессмысленным. Миссия Советского Союза как раз заключалась в том, чтобы своим существованием и конкретными действиями способствовать реализации главной идеи «Манифеста коммунистической партии» – перехода от капитализма к коммунизму во всемирном масштабе. Советский Союз, как он был создан Сталиным, был конструкцией, где роль государства играла партия. Даже по своей структуре советское государство было принципиально отлично от западных. Номинальный глава государства, правительство и парламент были лишь агентами реальной власти. Это приводило к проблемам даже на уровне дипломатического протокола, в котором не было места для генерального секретаря КПСС и членов всемогущего Политбюро. Советским руководителям приходилось присваивать себе дополнительные титулы – главы правительства (Сталин, Хрущев) или главы государства (Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев), чтобы иметь возможность пользоваться протокольными привилегиями.

Крах партии-государства неизбежно и практически немедленно привел к распаду Советского Союза.

Вполне логично, что в СССР любые призывы к сближению с Западом, выходявшие за пределы формулы «мирное сосуществование есть форма классового боя», квалифицировались как «антисоветская пропаганда», призванная расшатать советский строй изнутри, ослабить его. Официальная «марксистско-ленинская наука» тратила много усилий для «разоблачения» идей конвергенции социализма и капитализма как «идеологической диверсии».

Тезис о принципиальной несовместимости «двух миров», закономерной неизбежности их борьбы вплоть до «победы коммунизма во всем мире» имел для КПСС-СССР основополагающее охранительное значение. Этот тезис непременно сопровождал любые упоминания о «мирном существовании государств с различным общественным строем» при Хрущеве, о «разрядке международной напряженности» при Брежневе и т. п., ставил жесткие идеологические пределы любому политическому сближению с Западом. Реальная и наигранная воинственность советского социализма с его установками на *борьбу* имела внутреннюю сторону, охраняя посредством «доктрины Брежнева» социалистический строй в союзных СССР странах. «Социализм с человеческим лицом» – т. е. «мирный» социализм, отказавшийся от борьбы с классовым врагом, был с точки зрения советского руководства крайне опасен, так как предвещал разложение строя и, далее, утрату власти. Соответственно в то время как Чехословакия в период Пражской весны подверглась советской военной оккупации, неосталинский режим Чаушеску в Румынии, несмотря на его вызывающее внешнеполитическое фронтёрство (и откровенную неприязнь к «гению Карпат» со стороны советских руководителей), получил возможность существовать на протяжении почти четверти века в особой «нише».

Тем не менее могильщиком коммунизма стала именно советская коммунистическая номенклатура. Непримируемость идеологов КПСС к идеям конвергенции была совершенно обоснованной. Критика различных буржуазных теорий в 1960-1970-е годы в советской идеологической литературе и в вузовских курсах внешне выглядела излишней, поскольку книги, излагавшие эти теории, были доступны лишь узкому кругу лиц, имевших разрешение на работу в спецхранах библиотек. Тем не менее именно эти теории, овладев умами некоторых из «критиков», стали постепенно расшатывать советский строй изнутри. Ирония истории при этом заключалась в том, что идеологическими «могильщиками коммунизма» стали именно «бойцы идеологического фронта» партии – вернее, те из них, кто был способен к критическому восприятию действительности (как западной, так и советской) и творческому мышлению. В обстановке «оттепели», наступившей после «развенчания партией культа личности Сталина», эти люди стали задумываться над вопросом, в каком направлении стране развиваться дальше.

Замечательно, что впервые собрал некоторых из этих людей вместе, создал из них группу советников высшего руководства не кто иной, как Юрий Андропов, советский посол в Будапеште в период венгерского «мятежа» 1956 г., ставший несколько лет спустя председателем Комитета государственной безопасности СССР. Впоследствии Георгий Арбатов, Александр Бовин, Федор Бурлацкий, Георгий Шахназаров, другие члены этой группы советников стали идеологами горбачевской перестройки. Наряду с «андроповской» группой в аппарате ЦК КПСС существовали и другие «рассадники либерализма». В их числе были сотрудники Международного отдела ЦК, курировавшие отношения с «еврокоммунистическими» партиями Италии и Франции, а также с социал-демократами ФРГ, сотрудники редакции издававшегося в Праге международного журнала коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма». Сложные, но политически важные отношения с этими партиями требовали от представителей КПСС не только хорошего знания идеологических позиций партнеров, но и высокого уровня политического, экономического, философского

образования в целом. С позиций этого более широкого взгляда еврокоммунизм и социал-демократия при близком знакомстве с ними оказывались достаточно привлекательными для советских партийных интеллектуалов. То, чего не мог бы достичь «классовый противник» – переубедить искреннего коммуниста, – становилось возможным в общении с «классовыми друзьями» – коммунистами и социал-демократами Западной Европы. В ходе этого общения у советских участников подспудно зрело убеждение в необходимости постепенной либерализации политического режима в СССР.

Таким образом, естественным и сравнительно безопасным путем идеологического выхода из коммунизма был социал-демократический уклон. Андрей Грачев, впоследствии ставший советником Горбачева, писал о социал-демократическом крыле в Международном отделе ЦК, в которое входили А. Черняев, В. Загладин, Г. Арбатов, Е. Примаков, О. Богомолов, В. Журкин, Г. Шахназаров, А. Бовин, Е. Амбарцумов, Е. Яковлев, Н. Шишлин, В. Лукин. По свидетельству другого помощника Горбачева, Анатолия Черняева, Международный отдел (вернее, его либеральное крыло) с 1970-х годов считался «интеллигентским, “ревизионистским”»⁶.

Никакого «крыла» в организационном смысле никто, разумеется, не создавал, но подспудная ревизия основ коммунистической идеологии приняла довольно широкие масштабы. В дальнейшем все «скрытые советские социал-демократы» сыграли большую роль в формировании новой внешней политики страны. В семидесятые же и восьмидесятые годы они пытались раздвинуть рамки мирного сосуществования с Западом⁷.

Разумеется, в условиях 1960-х – первой половины 1980-х годов результаты этих усилий не могли не быть весьма ограниченными. Либеральные аппаратчики пытались – например, на уровне формулировок, вставлявшихся в выступления руководителей КПСС, – сохранить «дух XX съезда», ослабить консервативные тенденции в партии, которые впоследствии привели к «брежневскому застою». Александр Бовин мог утверждать, что он не читал произведений Брежнева, а писал их. Иногда такая деятельность спичрайтеров приносила плоды, но реального влияния на направленность политической линии руководства ЦК их усилия иметь не могли.

Наиболее серьезной и имевшей далеко идущие последствия акцией партийных «обновленцев» (в союзе с верхушкой советской дипломатии) стало получение ими согласия высшего руководства страны в 1975 г. подписать Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Запад настаивал на включении в этот акт раздела, посвященного правам человека (так называемая третья корзина СБСЕ). Советское руководство, со своей стороны, было заинтересовано в признании Западом «послевоенных политических реальностей в Европе» (т. е. государственных границ по состоянию на 1945 г., социалистического строя в странах Восточной Европы и особо – существования ГДР). МИД СССР и его глава Андрей Громыко считали компромисс (признание границ в обмен на признание прав человека) целесообразным и приемлемым, но идеологи из ЦК сомневались. В этой ситуации свою роль сыграли аппаратные «либералы». В результате генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев не только подписал документ, содержащий положения, принципиально неприемлемые для коммунистической идеологии и советской практики, но и вынужден был распорядиться опубликовать его в массовой печати.

Согласие руководства СССР с антисоветским по сути текстом основывалось, по-видимому, на принципе «подпишем, а соблюдать все равно не будем». Сталин, в конце концов, благословил «самую демократическую в мире» советскую Конституцию 1936 г. и не возражал против принятия ООН Декларации прав человека в 1948 г. Так было и на этот раз. Если «обновленцы» рассчитывали на либерализацию советского режима, то они ошиблись. Идеологическая борьба, напротив, обострилась. Практически сразу после его подписания Заключительный акт превратился в инструмент борьбы «инакомыслящих» и их западных

союзников против нарушения правительствами СССР и стран Восточной Европы не только их собственных конституций (которые можно было толковать по-разному), но и торжественных международных обязательств. В ответ последовали репрессии со стороны правящих режимов. В течение полутора десятилетий (1975–1990 гг.) Акт СБСЕ сыграл уникальную роль морального авторитета и инструмента легитимации для тех, кто добивался радикальных политических перемен в «социалистическом содружестве».

В действительности «ревизионизм» цекистов был карманным, совершенно неопасным для системы власти. Только тогда, когда ревизия основ советского строя стала официальной политикой генерального секретаря ЦК и Политбюро, партийные интеллигенты-международники получили возможность влиять на политику, исходя из сформировавшихся у них представлений. К этому же времени внутри советского дипломатического ведомства подспудно выросло убеждение в бессмысленности продолжения гонки вооружений с США, в необходимости и даже неизбежности новой формулы обеспечения безопасности, основанной не столько на военно-стратегическом паритете, сколько на взаимном доверии.

Параллельно этому скрытому от посторонних глаз «обновленческому» течению в номенклатурных верхах в СССР существовали и другие сторонники конвергенции. Среди наиболее «продвинутой» части советской технической интеллигенции (которая в целом была «идеологически нейтральной») эти идеи распространялись в чистом виде. Наиболее полно и четко их сформулировал академик Андрей Сахаров⁸. Открытые сторонники конвергенции пытались не только – прагматически, с применением научного подхода – сочетать преимущества капитализма с тем, что им виделось как преимущества социализма, для создания оптимального общества, но и решить сверхзадачу – снять при помощи нейтрализации противоположностей угрозу ядерной войны. Их формула утверждала: конвергенция означала выживание человечества. В этом смысле особенно показательна деятельность Сахарова. Именно от него позднее пошло новое «горбачевское» политическое мышление. Возвращение Сахарова по распоряжению Горбачева из горьковской ссылки в 1987 г. стало знаком смены эпох.

Потребности обновления советской экономической системы, неоднократно игнорировавшиеся партийными ортодоксами, стали очевидными и безотлагательными к концу правления Брежнева. Избрание Михаила Горбачева отразило смутное понимание высшим руководством Советского Союза, что нужно что-то менять. К этому времени, однако, СССР уже исчерпал ресурс реформирования в рамках командной модели. То, что было еще возможно в конце 1920-х годов, стало практически неосуществимым уже в середине 1950-х. Неудача даже ограниченных экономических новаций в 1960-е годы стала констатацией принципиальной невосприимчивости советской системы к реформированию. Горбачев и его соратники, взявшись улучшить систему под лозунгом «Больше социализма!», фактически приближали «мягкую посадку» самой системы.

Первоначальная логика действий Горбачева очевидна. Чтобы вывести экономику из застоя, нужны были реформы, способные радикально повысить производительность труда. Реформы, в свою очередь, были невозможны, пока продолжалась гонка вооружений с США. Была необходима, следовательно, новая разрядка напряженности с Западом. Разрядка же требовала либерализации политического режима и идеологических послаблений. Вопрос о разрядке, как справедливо отмечает профессор Арчи Браун, был тесно связан с «вопросом о возрождении национальной экономики и об изменении баланса сил внутри политической системы» СССР⁹.

Опыт неудавшейся экономической реформы Косыгина – Либермана свидетельствовал: никакие серьезные экономические преобразования в СССР невозможны без масштабных изменений в политической области (придание режиму открытости через ослабление цензуры СМИ, ограничение монополии на власть партийной бюрократии и т. д.). Если бы кон-

цепция «ускорения» сработала, не было бы нужды в гласности и перестройке. Но «ускорение» застопорилось практически на старте, и Горбачев для стимулирования экономического прорыва решил перенести упор на гласность в информационной политике и перестройку политической системы.

С другой стороны, опыт брежневской разрядки 1970-х годов (в том числе судьба Договора ОСВ-2) показывал: одних договоренностей по контролю над вооружениями мало¹⁰. Пресловутые увязки одних проблем с другими не были искусственными помехами, а отражали существо «отношений государств с различным общественным строем». Возможности стабильного улучшения этих отношений без существенных внутренних перемен в СССР были крайне ограничены. Встав на путь разрядки, Горбачев должен был идти на уступки либо признать неудачу и возвращаться на путь конфронтации. Горбачев был готов идти в улучшении отношений с Западом гораздо дальше, чем Брежнев, но он первоначально не помышлял о демонтаже режима.

Последствия «неограниченной разрядки», однако, горбачевским руководством не просчитывались: действительное прекращение «холодной войны» (а не только управление гонкой вооружений) подрывало основу власти КПСС, а это уже расшатывало советское государство. Точно так же коренные политические и экономические изменения вели СССР не к возрождению, а к гибели. Судя по позднейшим мемуарам, это еще тогда понимал посол США в Москве Джек Мэтлок¹¹. Сам Горбачев лишь сравнительно поздно, к 1989 г., стал сознавать, что «обновление социализма» в СССР практически невозможно. К этому времени, однако, генеральный секретарь ЦК КПСС фактически отошел от марксизма-ленинизма и уже явно склонялся в сторону социал-демократии¹². Эволюция взглядов Горбачева еще могла продолжаться, но способность советского строя к дальнейшей эволюции была исчерпана.

В первые полтора-два года перестройки внутривнутриполитические процессы в СССР были лишь косвенно связаны с внешней политикой. Первоначальная повестка дня Горбачева была составлена в духе мирного сосуществования и разрядки. Смена лиц во главе внешнеполитического аппарата (включение в состав Политбюро ЦК Александра Н. Яковлева, назначение Эдуарда Шеварднадзе министром иностранных дел вместо Андрея Громыко, Анатолия Добрынина секретарем ЦК по международным делам вместо Бориса Пономарева, Вадима Медведева секретарем ЦК по отношениям с социалистическими странами вместо Константина Русакова, Анатолия Черняева помощником генерального секретаря по международным делам вместо Андрея Александрова, назначение Георгия Шахназарова помощником по политическим вопросам) свидетельствовала о желании Горбачева расставить на ключевых постах своих людей и оживить стиль внешней политики. Это замечали иностранные дипломаты, но их выводы поначалу были сдержанны. Посол Мэтлок писал, что хотя изменения в стиле советской дипломатии были поразительными, внешняя политика СССР оставалась в целом на прежних позициях¹³. Уже вскоре, однако, между новыми задачами внутренней и внешней политики появилась тесная взаимосвязь. Горбачевские реформы требовали большей открытости страны внешнему миру. Добиваясь такой открытости, уже к 1987–1988 гг. окружение генерального секретаря пришло к выводу, что для преодоления глубокого недоверия к Советскому Союзу на Западе необходима глубокая политическая реформа¹⁴. С этого момента внешняя политика превратилась в дополнительный стимул внутренних перемен в СССР.

Постепенно, шаг за шагом Горбачев избавлялся от характерного для советских руководителей в их общении с Западом двоемыслия, стал переходить в единую с Западом систему концептуальных и политических координат. Вначале – на уровне слов и понятий, не особенно вдумываясь в их смысл и практические последствия для политики. Затем – на уровне

действий. Весной 1985 г. в интервью американскому журналу «Time» Горбачев сформулировал философию мирного сосуществования как «живи и давай жить другим». Пока это была лишь фраза, но осенью 1989 г. Горбачев реально предоставил странам Восточной Европы свободу политического и социально-экономического выбора.

Годом прекращения «холодной войны» принято считать 1989-й. Вернее будет сказать, что падение Берлинской стены стало началом конца противостояния, а его завершением стал спуск красного знамени с кремлевского флагштока 25 декабря 1991 г. В промежутке между двумя этими датами западная, особенно европейская общественность приветствовала Горбачева как человека, «отпустившего на волю» страны Восточной Европы и позволившего немцам на западе и востоке воссоединиться. Раскол Берлина, Германии и Европы, являвшийся на протяжении 40 лет символом «холодной войны», был преодолен благодаря кардинальному изменению советской внешней политики. В то же время добровольный демонтаж советской империи не сменился формированием новой «конвергированной» общности. Показательно в этой связи, что горбачевская идея Европейского общего дома, выдвинутая им в Совете Европы в Страсбурге в июле 1989 г., не вызвала особого энтузиазма на Западе и осталась там почти незамеченной.

Разумеется, на Западе обращали внимание на успехи гласности. Проведенные в 1989 г. первые после 1917 г. частично свободные выборы в Верховный Совет СССР, а в 1990 г. в верховные советы союзных республик оценивались как серьезный положительный сдвиг в политической системе. Однако это был еще сдвиг в рамках советской системы. Горбачев отказался от идеи выхода из КПСС и формирования новой социал-демократической партии. Отказался он и от всенародных выборов президента СССР. Более того, по мере развития ситуации внутри и вокруг СССР реакционная оппозиция курсу Горбачева в руководстве КПСС нарастала, и лидер Перестройки был все больше вынужден маневрировать. В целом для правительств и политических элит США и других западных стран Горбачев – при всех симпатиях к нему лично – до самого конца пребывания у власти оставался либеральным коммунистом, а Советский Союз – потенциально враждебным государством. Окончание «холодной войны» требовало устранения той системы власти, которую формально возглавлял Горбачев. Вовремя не сменив основу своей власти, он вынужден был уйти из Кремля.

Итак, в период правления Горбачева были созданы важнейшие предпосылки для принципиального сближения России с Западом:

- был расшатан и по существу мирно демонтирован советский политический режим;
- был разрушен «железный занавес»; страна стала открытой внешнему миру, прежде всего Западу, и наоборот – Запад, остальной мир открылись для России;
- произошел отказ от марксизма-ленинизма как господствующей идеологии; страна стала открытой к восприятию ценностей современного («западного») общества.

В то же время уже к началу 1991 г. определились и пределы сближения между Западом и Советским Союзом. Пытаясь спасти единство государственной власти, Горбачев отказался от решительного разрыва с теми, кто уже ни при каких обстоятельствах не мог быть союзником в углублении реформ. Он не создал новой политической партии, не обремененной традициями и историческим прошлым КПСС. Утратив инициативу, президент СССР стал все больше ассоциироваться в глазах западных наблюдателей с прошлым, в то время как его политический конкурент Борис Ельцин все чаще рассматривался как «человек будущего». В то время как Горбачев «даровал свободу» странам Варшавского договора, демократы из окружения Ельцина питались импульсами, исходившими от восточно- и центральноевропейских реформаторов. Лозунг «За вашу и нашу свободу» наполнился конкретным содержанием. В какой-то момент стало возможно говорить о едином демократическом фронте от Польши и Прибалтики до Москвы.

Первоначальное отношение Запада к Ельцину было настороженным. Лишь публичный отказ от коммунистической идеологии, победа на всенародных выборах, выход из КПСС и запрет ее после августовского путча 1991 г. превратили Ельцина в глазах Запада в «подлинного демократа», т. е. последовательного антикоммуниста. Победа над путчистами из ГКЧП стала началом отсчета времени «демократической России». Помощник Горбачева Андрей Грачев впоследствии сетовал: Ельцин без труда получил от Запада то, в чем Горбачеву отказывали, несмотря на все усилия¹⁵. «Труд» Ельцина, однако, состоял как раз в нескольких решительных символических шагах, на которые Горбачев так и не смог или не захотел решиться. Добившись от Горбачева подписания указа о запрете КПСС, Ельцин стал для истории «первым демократом». Горбачев так и остался «либеральным коммунистом».

Проведенная Ельциным верхушечная декоммунизация стала вторым – после горбачевской перестройки и гласности – этапом демократизации. В условиях революционных перемен главное внимание Запада приковывали личности (начиная с самого Ельцина), а не аморфные институты. Тем более что Ельцин осенью 1991 г. отказался от замены советской Конституции РСФСР новым Основным законом, а также от новых выборов парламента и президента. Он также заключил нечто вроде «пакта о лояльности и взаимном ненападении» с советской военной верхушкой. Это был гражданский мир с номенклатурой. В то же время назначение на ключевые посты в правительстве Егора Гайдара и его команды «молдых реформаторов» символизировало решительный разрыв с экономической основой старого режима – госплановской экономикой. Основной политической интригой стала захватывающая борьба «демократического» и откровенно антикоммунистического президента с «коммуно-националистическим» Верховным Советом (где демократы были в меньшинстве). Российские либералы и демократы поддерживали в то время единовластие верховного правителя, опасаясь, что альтернативой ему могли стать лишь безответственный популизм и остановка реформ¹⁶. Политическая целесообразность однозначно диктовала руководству США и других стран Запада: следует поддерживать Ельцина, по возможности закрывая глаза на используемые им силовые методы в ходе противостояния с парламентом, завершившегося в октябре 1993 г.

Утвержденная в декабре 1993 г. Конституция Российской Федерации, несмотря на установленный ею режим «суперпрезидентской» республики, который некоторые аналитики¹⁷ квалифицировали как выборную монархию, не вызвала протестов и подозрений. Не «уравновешенный» в системе разделения властей президент рассматривался как гарант продолжения реформ. Шок у западных наблюдателей вызвал успех на парламентских выборах 1993 г. коммунистов, а также националистов (жириновцев), в которых тогда еще видели самостоятельную силу. Стал популярен тезис о «веймарской России» с Ельциным-Гинденбургом и «красно-коричневыми», ждущими своего часа. Как и ее предшественник, Верховный Совет, Государственная дума стала восприниматься не как институт народного представительства, а как оплот коммуно-националистической реакции. Мир российской политики для Запада распался на две части: «свои» – реформаторы в правительстве, представлявшие меньшинство политической элиты, и «чужие», составлявшие большинство в Госдуме и органах государственной бюрократии. Лишь благодаря Ельцину явное меньшинство имело возможность проводить реформы, а численно подавляющее большинство лишалось шансов им противостоять.

Вместе с тем именно с 1993–1994 гг. окончательно обозначился водораздел между Россией (и другими странами СНГ), с одной стороны, и государствами Центральной и Восточной Европы и Балтии – с другой. Россия уже не следовала, как раньше, по «польскому маршруту» с известным временным лагом. Векторы развития бывших социалистических стран расходились все дальше. Прагматически поддерживая Ельцина, лидеры Запада все больше

сомневались в способности России совершить «демократический транзит», который демонстрировали страны Вышеградской группы – Польша, Чехия и Венгрия. Первая после окончания «холодной войны» волна расширения НАТО на восток, импульс которой был дан еще весной 1993 г., зафиксировала различную оценку в США и Западной Европе перспектив демократии в странах Центральной и Восточной Европы и России.

Дальнейшее развитие политической обстановки в России подтвердило пессимистические оценки. Начавшаяся в декабре 1994 г. Чеченская война продемонстрировала, что новое Российское государство унаследовало многие черты царско-советского авторитарного режима: склонность к силовым способам решения конфликтов, пренебрежение правами человека и самими человеческими жизнями, неподотчетность и бесконтрольность власти и т. д. Одной из причин войны стали клановые противоречия вокруг начавшегося процесса приватизации¹⁸. Проведение в 1995 г. залоговых аукционов положило начало этапу олигархического капитализма в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.